Дагестанский государственный университет народного хозяйства»

Ибрагимова Ханича Алибуттаевна

Кафедра «Уголовное право»

Учебное пособие

(курс лекций)
по дисциплине

«Проблемы теории уголовной ответственности и наказания»

Махачкала – 2016

УДК 333(075.8)
ББК 63.400
Печатается по решению Учебно-методического совета Дагестанского государственного университета народного хозяйства

Составитель:
Ибрагимова Х.А
доцент кафедры «Уголовное право»
Дагестанского государственного университета народного хозяйства

Внутренний рецензент:
Гаджиева А.А
кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Уголовное право» Дагестанского государственного университета народного хозяйства

Внешний рецензент:
Зейналов М.М,
к.ю.н, начальник отдела по делам некоммерческих организаций
Управления Министерства юстиции России по Республики Дагестан

Ибрагимова Х.А Учебное пособие (курс лекций) по дисциплине «Проблемы теории уголовной ответственности и наказания » для направления подготовки «Юриспруденция», профиль «Уголовное право», Махачкала: ДГУНХ, 2016. – 88с.

Учебное пособие (курс лекций) по криминологии подготовлено с программой курса «Криминология». В курсе лекций рассматриваются основные вопросы общей части криминологии, которые входят в ее предмет и связаны с преступностью, ее причинами и условиями, личностью преступника и формированием преступного поведения личности. В курс входит также анализ основных положений уголовной статистики, прогнозирования и планирования борьбы с преступностью.

Для студентов юридических факультетов всех форм обучения.

©Дагестанский государственный университет народного хозяйства. 2016.
©Ибрагимова Х.А.2016

Содержание

Введение……....4
Тема 1. Понятия и сущность уголовной ответственности……....5
Тема 2. Реализация уголовной ответственности……...13
Тема 3. Ответственность и правонарушения в уголовном праве……....21
Тема 4. Социальное значение и сущность назначения уголовного наказания……...31
Тема 5. Система и виды уголовных наказаний……..35
Тема 6. Цели и функции уголовного наказания……44
Тема 7. Проблемы справедливости назначения уголовного наказания……...52
Тема 8. Проблема эффективности назначения уголовного наказания……...61
Список рекомендуемой литературы……..71

Введение.

Цели и задачи данного спецкурса вытекают из ее юридической значимости как для изучения специальных юридических дисциплин, приобретения практических знаний и умений, так и для формирования современного юридического мировоззрения, профессионального правосознания и высокой правовой культуры. правоприменительной деятельности.

В процессе изучения данного спецкурса студенты должны усвоить основные аспекты:

- содержание курса, его цели, задачи и принципы;
-основные положения правового регулирования и место данного спецкурса в системе законодательства;

Изучение и освоение вышеуказанных аспектов предполагает систематическую, целенаправленную и активную самостоятельную работу студентов с рекомендованными законодательными и иными нормативно-правовыми актами, а также специальной литературой

Успех борьбы с преступностью с помощью уголовного закона во многом зависит от эффективности уголовной ответственности и наказания, от того, как эти правовые институты закреплены в законе и находят адекватное практическое применение судебной практики.

Следует иметь ввиду, что фундаментального характера воззрения касающиеся проблем уголовной ответственности и наказания не столь существенно менялись на протяжении десятилетий, даже веков, начиная со времён классической школы уголовного права.

В нынешних условиях эта проблема стала весьма актуальной в силу необходимости разработки общих методологических подходов к их изучению.

Взаимосвязь уголовной ответственности и наказания является актуальной предпосылкой их эффективности. Актуальность уголовной ответственности и наказания всегда существовала и существует. Уголовная ответственность и наказание является актуальной темой рассматриваемой в теоретическом и практическом значении.

В уголовно-правовой науке вопросы теории уголовной ответственности и наказания всегда привлекали к себе пристальное внимание научной общественности. Их правильное усвоение студентами – будущими юристами является, в свою очередь, необходимым условием творческого овладения наукой уголовного права, соответственно предпосылкой успеха в правоприменительной деятельности.

Тема 1. Понятие и сущность уголовной ответственности

Во многих учебниках по уголовному праву, вышедших после принятия нового УК РФ 1996 г. на основе его норм, понятие уголовной ответственности даже не упоминается. По мнению авторов, «суть уголовной ответственности выражается в осуждении (и наказании) лица, совершившего преступление, и принуждении его к исполнению правовой обязанности претерпеть в связи с этим лишения личного или имущественного характера».

К сожалению, и это определение носит односторонний характер, хотя само по себе вынесение проблем уголовной ответственности на широкую аудиторию, в проблематику курса уголовного права - явление положительное.

Для развития такой теории первоочередное значение имеет рассмотрение и правильное раскрытие самого отправного понятия ответственности в уголовном праве, отыскание для этого надежных методологических посылок. Встречающиеся в литературе определения этого понятия страдают односторонностью, не учитывают многообразия ее признаков, разносторонности свойств и аспектов, и в конечном счете сводятся к модификации традиционного понятия наказания, видя сущность уголовной ответственности в наказании, в его претерпевании.

В прошлом в уголовно-правовой науке проблемам теории уголовной ответственности не уделялось должного внимания, хотя она является основополагающим институтом уголовного права, поскольку первейшей функцией уголовного закона является установление уголовной ответственности, принципов ее дифференциации и индивидуализации, форм реализации. Очевидно, здесь сказываются пробелы в самом уголовном законе, в котором нет норм, посвященных понятию уголовной ответственности.

Существенный момент в понятии уголовной ответственности заключается в том, что уголовная ответственность рассматривается в контексте уголовно-правовых отношений. Пионтковский А.А. полагал, что понять проблему уголовной ответственности в ее правовом аспекте можно в рамках уголовно-правовых отношений. Недостаточная разработанность понятия уголовной ответственности объясняется тем, что советская теория уголовного права долгое время не уделяла необходимого внимания проблеме правоотношения. В принципе можно согласиться с этим утверждением, когда речь идет о теории правоотношений. Что же касается понятия юридической ответственности, то в общей теории права оно оказалось еще менее разработанным, чем в уголовном праве. Развитие социологии права, научных исследований правовых норм и институтов, проблем их функционирования и эффективности открыли возможности глубже подойти к раскрытию их сущности и социальной природы. Это относится и к понятию уголовной ответственности.

Следует обратить внимание на то новое в подходе к раскрытию понятия и уяснению сущности уголовной ответственности, что наблюдается в активизировавшихся позднее публикациях, обсуждениях и дискуссиях по проблемам юридической ответственности.

Прежде всего, представляется необходимым разрешить недоразумения терминологического порядка, разобраться в общесмысловом содержании слова «ответственность». В общеупотребительном смысле это слово имеет два значения: с одной стороны, ответственность означает обладание правами и обязанностями (полномочиями), с тем чтобы действовать, отдавая себе отчет и беря на себя вину за ошибки и провинности, с другой стороны, ответственность - это необходимость, обязанность реально отвечать за свои предосудительные поступки, действия, упущения.

В двух же смыслах трактуется и понятие ответственности в философско-социологической, общественно-политической и этико-педагогической литературе. Отрыв одного смысла от другого, попытка придать любому из них самостоятельный характер возможен лишь условно для обозначения временного состояния субъекта. Но при этом нельзя забывать, что понятие «ответственность» содержит в себе одновременно два начала: позитивное и негативное. Первое, когда субъект действует ответственно, сообразно со своими положением, ролями и обязанностями, и второе, когда субъект действует безответственно, поступает предосудительно, вопреки требованиям норм, предписаний, за что подлежит взысканию, осуждению. В этой схеме заложено не только смысловое, но и социальное содержание понятия ответственности.

В юридической литературе традиционно было принято рассматривать ответственность лишь как последствие правонарушения, как реализацию взыскательной санкции правовой нормы. Утверждалось даже, что «ни научные соображения, ни тем более интересы практики не дают основания для пересмотра взгляда на юридическую ответственность как последствие правонарушения».

Однако позднее стал наблюдаться и иной подход, и в общей теории права понятие юридической ответственности стало рассматриваться в более широком плане, раскрываться на базе философских, социологических, новых теоретических, методологических посылок, что соответственно сказывается и на подходе к уяснению ее разновидностей, в том числе уголовной ответственности. Принято различать субъективную и объективную стороны ответственности.

С субъективной стороны, ответственность представляет собой преломление указанного требования в сознании личности, усвоение ею социальных норм и императивов, выработку в ней социально-позитивной мотивации и, наконец, сообразование ею поведения и поступков, практической жизнедеятельности с указанными нормами.

Объективная сторона служит по существу определяющим признаком ответственности. Она заключена в реально существующих общественных

отношениях, выражает обусловленное ими и нормативно сформулированное требование к деятельности и поведению субъектов, сопряженное с определенной санкцией, стимулом положительного или отрицательного свойства, а также фактическим применением этих санкций.

Социальная ответственность выступает как инструмент социального управления и контроля, с помощью которого уравновешиваются интересы общества и его членов, государства и его граждан, стимулируется социально полезная деятельность, поведение и поступки людей, обеспечиваются организованность, порядок и дисциплина в их жизнедеятельности.

С точки зрения форм проявления социальной ответственности принята ее трактовка в двух аспектах: негативно-ретроспективном и позитивно-перспективном. Негативный аспект предполагает оценку безответственного и предосудительного поведения субъекта, когда он поступает вопреки нормативному требованию, нарушает либо игнорирует определенное правило, то или иное урегулированное социальным регламентом отношение. Позитивный аспект же предполагает такое поведение субъекта, когда он сообразовывает свое поведение с теми объективными требованиями, которые выражены в социальных нормах. При этом имеет место желаемая социальная активность (данный аспект иногда называют «активным»). Всякой исправной и нормально социализированной личности свойственно позитивное ответственное состояние, а переход на несение негативной ответственности является досадным недоразумением.

В системе социальной ответственности, которая структурно определяется механизмом социального регулирования поведения людей, общественных отношений, юридическая ответственность занимает важное место. Казалось бы, в общей теории государства и права должно трактоваться понятие юридической ответственности на указанных методологических подходах. Социальная ответственность также рассматривается в двух аспектном виде (негативном и позитивном аспектах), а переход к юридической ответственности и определение ее понятия осуществляется одноаспектно. Юридическая ответственность - это применение к правонарушителю предусмотренных санкцией юридической нормы мер государственного принуждения, выражающихся в форме лишений личного, либо имущественного характера». Таким образом, юридическая ответственность отрывается от методологической основы, от конструктивного отправного понятия социальной ответственности.

Особенность и значимость юридической ответственности в системе социальной ответственности определяются спецификой правовой регламентации поведения людей в отличие от других социальных нормативов. Одной из существенных черт юридической ответственности является высокая степень ее определенности, что обусловлено строгой нормативностью самого права, ототчетнностью правовых требований в силу отличия нормотворческой техники по сравнению с другими сферами социальной регуляции, а также ясно выраженной системностью права и

структурной определенностью правовых норм. Правовые нормы готовятся продуманно с точки зрения социальных позиций, конструируются по законам логики, включены в соответствующие и доступные всем акты. В силу всего этого они выступают как самое четкое и действенное средство социального контроля, используются обществом для регуляции отношений, зависимостей, взаимодействий между всеми членами общества, между лицами физическими и юридическими.

Структурный анализ всякой правовой нормы показывает, что в ней заключена модель ответственного поведения (поступка) правосубъектного лица, поскольку она содержит указание на то, как нужно, можно или нельзя поступать в гипотетически определенной ситуации, а также на то, что последует (положительное или отрицательное) за этим для него. Указания нормы влияют на правовой статус и поведение правосубъектных лиц и одновременно упорядочивают общественные отношения, порождая специфическое ответственное состояние их участников, состояние, адекватное государственным и общественным интересам.

Представление о реальности такой объективно-позитивной ответственности у субъектов права приводит к выводу о том, что ответственность нельзя сводить лишь к действию одного из структурных элементов правовой нормы-ее санкции, притом санкции исключительно взыскательно-карательной, отрицательной. Игнорирование роли позитивных стимулов права, поощрительных санкций при рассмотрении проблемы юридической ответственности следует, пожалуй, считать одной из причин односторонности ее научной разработки, сведения ответственности только к последствию правонарушения, рассмотрения ее лишь в негативно-ретроспективном аспекте. Думается, с таким положением согласиться нельзя. Отмечая это и подчеркивая необходимость нового подхода к уяснению сущности юридической ответственности и разработке ее актуальных проблем, мы в свое время пришли к следующему выводу. «Выдвижение на передний план позитивного аспекта юридической ответственности имеет большое научно-теоретическое и практическое значение.

Акцентирование внимания на созидательно-преобразующей роли и мотивационно-облагораживающих возможностях правовых требований и императивов будет способствовать обеспечению законности и правопорядка, профилактике правонарушений на основе коренного улучшения правового воспитания, повышения у людей чувства ответственности и сознания незыблемости правовых предписаний. Эти вопросы, в свою очередь, связаны с совершенствованием законодательства, улучшением информационной деятельности государства и его органов, с правильным осуществлением правовой политики. Думается, что подобный подход к понятию юридической ответственности позволит правильно конструировать правовые нормы, уточнить их структурные элементы, совершенствовать весь правовой инструментарий регулирования общественных отношений и социального управления».

Относится ли сказанное о юридической ответственности к характеристике и уголовной ответственности, и может ли оно служить основой для раскрытия понятия и сущности последней? Положительный ответ на этот вопрос дается далеко не всеми авторами, и более того у многих сохраняется тенденция видеть в уголовной ответственности только негативно-ретроспективный аспект. Эти авторы полагают, что «ответственность позитивная» и «ответственность негативная» - явления разноплановые, не имеющие отношения к характеристике уголовной ответственности.

Однако нельзя, очевидно, отрывать уголовную ответственность от социальной и тем более юридической ответственности, разновидностью которой она является. Академик В. Н. Кудрявцев и ряд других авторов склоняются к выводу о необходимости по-новому трактовать уголовную ответственность, используя новые концептуальные основы. Так, в одной работе он пишет: «Нередко считают, например, что уголовная ответственность имеет лишь ретроспективный характер. Однако и в этой сфере проявляется тенденция к позитивному, перспективному пониманию ответственности». А в другой работе он отмечает: «Чем выше уровень ответственности в активном смысле, тем реже имеет место ответственность в ретроспективном аспекте. Данное высказывание в полной мере относится и к уголовному праву». Последовательно поддерживает эту позицию в ряде своих публикаций Е. А. Елеонский. По его мнению, «уголовная ответственность представляет собой диалектическое сочетание двух аспектов—ретроспективного (негативного) и позитивного (перспективного). Оба эти аспекта..., не будучи тождественными, органически связаны между собой, работают друг на друга, выполняют единую социальную функцию — выступают в качестве одного из средств предупреждения правонарушений и борьбы с преступностью».

Мы давно отстаиваем подобную точку зрения, и в настоящее время с еще большей убедительностью отвечаем положительно на поставленный выше вопрос. Более того, полагаем, что уголовная ответственность вполне вписывается в предложенную нами конструктивную схему общего понятия юридической ответственности и не менее выразительно обнаруживает свою социальную природу, связь с другими проявлениями социальной ответственности. Конечно, при этом у нее есть и свои весьма специфические признаки. Попытаемся все это доказать.

Как известно, в борьбе с преступностью, если иметь в виду, прежде всего, ее предупреждение, в любом обществе участвует множество субъектов и используются разнообразные средства и методы. Когда в роли субъекта выступает само государство, законодатель, то его первой предупредительной акцией против преступности является обозначение модели этого самого социального явления посредством определения исчерпывающего перечня всех общественно опасных деяний (реальных и возможных), человеческих

поступков, признаваемых преступными, то есть путем криминализации этих деяний.

Связь правовых установлений с социальными процессами, с поведением и поступками людей в сфере уголовного права прослеживается более выразительно вследствие того, что его нормы воплощают в себе непререкаемые правовые императивы, адресованные, прежде всего, правосубъектным лицам, вразумляющие их в духе самых веских социальных требований и ожиданий.

Подлинная сущность уголовной ответственности и наказания, особенно в наше время, раскрывается там, где их рассматривают в контексте более широкого социального фона как способы социального контроля и составные элементы социально-педагогического инструментария, как весомые средства социального оздоровления и исправительно-воспитательного воздействия на членов общества. Раскрытию понятия уголовной ответственности в ее позитивном аспекте мешает и непоследовательная разработанность функций уголовного права, а уголовная ответственность, как следует полагать, является средством их выполнения. В литературе принято говорить о функциях охранительных и регулятивных, притом истолковываются они иначе, чем мы себе их представляем. Так, В.Г. Смирнов пишет: «Если охранительное воздействие уголовного права направлено на отношения, установленные или закрепленные гражданским правом, то регулятивное воздействие — на отношения, возникающие из преступного посягательства на охраняемые интересы». Присоединяясь к этой точке зрения, В.М. Коган отмечает условность такого деления, поскольку «норма охраняет тем, что регулирует, и регулирует тем, что охраняет». При этом не обращается внимание на самостоятельность роли норм уголовного закона в регулировании нормальных общественных отношений, на то, что уголовный закон — это не только карательный инструмент, но и кодекс поведения людей, осуществляющий ярко выраженную воспитательную функцию.

Уголовный закон в целях предупреждения преступлений осуществляет три взаимосвязанные, но относительно самостоятельные функции – воспитательную, карательную и регулятивно-охранительную. В их осуществлении решающую роль играет уголовная ответственность в ее позитивном и негативном аспектах. Не вдаваясь в подробности, вкратце поясним эту точку зрения.

Охранительная функция - это обращение указанных правил к закреплению и охране нравственно-этических и социально-экономических ценностей, социальных и юридических норм, прав и интересов граждан от преступных посягательств. Карательная же функция заключается в угрозе наказанием и реализации санкций уголовно-правовых норм в случаях совершения преступления, что воочию убеждает адресатов норм в незыблемости предписываемых правил, в неприкосновенности охраняемых законом интересов и ценностей. И здесь присутствует осуществление воспитательной функции.

Осуществление регулятивной и одновременно воспитательной функции заключается в установлении и доведении до правосубъектных лиц определенных правил поведения, которыми они должны руководствоваться в своих отношениях с государством, обществом и другими людьми. Уголовно-правовая норма, устанавливающая ответственность, оказывает желаемое влияние, конечно, не сама по себе, а воплощаясь в живые человеческие отношения, трансформируясь в сознании людей. Без этого нет ожидаемого ответственного поведения, проявления позитивной ответственности в русле требований закона. Большинство людей в обществе не совершает преступлений, проявляя «законопослушание» в силу своей сознательности и высокой нравственности, а вовсе не под влиянием уголовного закона. Однако это не освобождает их от благотворного профилактического влияния закона, от отношений ответственной зависимости, порождаемых его нормами. Как правильно отмечал Б. Т. Базылев, «позитивная юридическая ответственность -это не просто категория правового сознания, она имеет вполне объективные основания, обладает собственной субстанцией... базируется на отношениях, имеющих объективную природу». При появлении нормы, предусматривающей уголовную ответственность за то или иное деяние, всякое правосубъектное лицо волей-неволей становится участником таких отношений и зависимых связей, субъектом позитивной ответственности, поскольку уголовный закон не устанавливает выборочных субъектов. Благие констатации того, что многим людям «нет дела до уголовного закона», не умаляют значения искомой проблемы, не снимают его (закона) всеобъемлющего характера.

Позитивная юридическая ответственность в ее субъективно-психологическом смысле, конечно, является структурным элементом правосознания личности. Признавая это положение, М. Х. Фарукшин предостерегает: «Однако это... не является правовой ответственностью в собственном смысле слова. Иначе можно придти к абсурдному выводу, что, например, лицо, не совершившее преступление, уже несет правовую (уголовную) ответственность». Надо заметить, что такой вывод настораживает многих авторов. А между тем эти сомнения разрешаются гораздо легче, если на проблему смотреть шире и, мы бы сказали, проще. Разве правовые поступки, правомерное поведение и сами правоотношения происходят вне участия сознания и воли субъектов? Конечно, нет. Если при этом проявляется чувство ответственности и субъекты поступают должным образом, то это и есть проявление желаемой позитивной ответственности. Все дело в том, какова она, вернее, как ее назвать, «социальной», «юридической», «уголовной» или одновременно и той, и другой, и третьей. Прилагательное «уголовная» несет в себе нечто отрицательное, ассоциирующееся с преступлением, вызывающее упрек, осуждение. Поэтому трудно отнести «уголовное» к позитивной ответственности. Но ведь речь идет не об обыденном представлении понятия слова, а о научно-терминологическом его смысле, в известной мере, условном употреблении.

Допустим, можно отказаться от этого «неудобного» прилагательного, заменив его, скажем формулами «позитивная юридическая ответственность в уголовном праве», «отражение социальной ответственности в уголовном праве». Но суть проблемы от этого не меняется, поскольку и то, и другое проходит через уголовную ответственность, и иных однозначных им понятий и институтов в уголовном праве нет.

Таким образом, уголовная ответственность служит весомым средством утверждения правопорядка, является наиболее острой формой реагирования на антисоциальные, общественно опасные поступки и поведение людей. Она составляет высшее звено в системе социального контроля и стоит во главе иерархии юридической, да и всей социальной ответственности. Являясь юридическим институтом, она ощутимо влияет на социальные процессы и общественные отношения, независимо от того, урегулированы они правовыми нормами или имеют иной социальный регламент. Она устанавливается нормами уголовного закона, воплощается в реальных общественных отношениях, регулируемых этими нормами, и трансформируется в правосознание субъектов. Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, следующее. Понятие уголовной ответственности в широком его смысле определяется, исходя из двух начал: объективного и субъективного. Объективное начало, с одной стороны, означает то, что суть уголовной ответственности определяется законодателем в уголовном законе, заключается в императивном требовании к субъектам не совершать деяния, представляющие общественную опасность, и бережно относиться к охраняемым законом интересам с другой стороны, предполагает подотчетность лица, совершившего преступление, перед органом правосудия, вменение ему в вину содеянного и реализацию санкции, т. е. справедливое наказание виновного. Иначе говоря, оно содержит исходящие от высшей инстанции в обществе (государстве) веление и императивное требование, жесткое правило, сопряженное с угрозой суровой санкции, с одной стороны, учинение строгого спроса и взыскательности, отрицательную оценку и порицание, осуждение и наказание, с другой стороны.

Субъективное начало уголовной ответственности предполагает осознание правосубъектными лицами этой объективной реальности. По форме ответственность имеет два аспекта: позитивно-перспективный и негативно-ретроспективный. Первый аспект является приоритетным и основным, поскольку предполагает, что правосубъектные лица уважительно относятся к требованиям уголовного закона, внемлют голосу высшей инстанции, выполняют ее веления и императивы, сообразовывая с ними свое поведение и поступки. Негативно-ретроспективный аспект ответственности для субъекта означает необходимость и вынужденность претерпеть уголовное преследование, держать ответ перед органом правосудия за содеянное, испытать тяготы своей вины в совершении преступления и понести наказание.

Контрольные вопросы.

1. Понятие уголовной ответственности.
2. Объективная сторона уголовной ответственности.
3. Суъективная сторона уголовной ответственности.
4. Что такое вменяемость
5. Роль вменяемости в уголовной ответственности.
6.Ответственность в уголовном праве
7. Правоотношения в уголовном праве.

Тема 2 . РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Уголовная ответственность - это средство государственной оценки общественно опасных человеческих поступков и действий, способ реагирования на них, когда они совершаются. Это-метод активного воздействия на преступников и предупредительного влияния на иных лиц, на членов общества в целом. В этих положениях вырисовываются и соответствующие функции, которые она выполняет в борьбе с преступностью.

Эффективное осуществление этих функций предполагает, что механизм и «технология» ответственности, то есть ее функционирование должно отвечать незыблемым принципам, каковыми, на наш взгляд, являются: законность, справедливость, дифференциация, индивидуализация и неотвратимость ответственности. Все эти принципы обеспечивают надлежащее осуществление ответственности, ее реализацию. Но среди них на передний план выходит принцип неотвратимости уголовной ответственности, без него нет и самой реализации.

Принцип неотвратимости уголовной ответственности. Исследования показывают, что нарушение этого принципа, непоследовательность его реализации существенно снижает авторитет и силу уголовного закона, его предупредительный потенциал и исправительно-воспитательное влияние, следовательно отрицательно сказывается на всей системе борьбы с преступностью.

Анализируя причины и факторы, мешающие последовательному претворению в жизнь принципа неотвратимости уголовной ответственности, прежде всего, следует дать оценку законодательно предусмотренному институту освобождения от уголовной ответственности. В истории уголовного права уголовная ответственность ассоциировалась с наказанием, неотвратимость которого считалась неотъемлемым условием контроля над преступностью. Наличие в законе множества вариантов освобождения от уголовной ответственности и наказания, широкое их практическое применение вызывают серьезные сомнения в реальности и жизненности рассматриваемого принципа. Одни авторы по этому поводу утверждают, что сложилась система «гибкого реагирования», при умелом использовании которой, якобы, повышается эффективность борьбы с преступностью'. Другие не без основания сомневаются в этом, а институты освобождения от

уголовной ответственности и наказания с их заменой мерами административного и общественного воздействия считают теоретически недостаточно обоснованными и практически неперспективными. К сожалению, подобные оценки выносятся больше на умозрительном уровне. Нет конкретных исследований и значительных обобщений практики, свидетельствующих о социальных последствиях и влиянии на уровень преступности практики применения указанных институтов. Несомненным является-то, что система институтов освобождения противоречива по своей внутренней сущности. С одной стороны, она оправдана в отношении отдельных виновных в совершении преступления лиц, гуманна и политически престижна. С другой стороны, в общественном сознании и людской психологии она вызывает нежелательный резонанс, отрицательно влияет и на установки должностных лиц правоохранительных органов, сглаживая остроту их реагирования на преступления.

Кое-где на местах, в известной степени под нравственно-психологическим влиянием рассматриваемых институтов, обнаруживаются всепрощенческие тенденции, складывается такая обстановка, когда за опасные для интересов общества и граждан деяния, чаще должностные преступления, виновные отделывались мерами административного либо дисциплинарного воздействия вместо положенного уголовного наказания. Это порождает у людей ложные иллюзии о возможности избежать уголовной ответственности и наказания. Органы и должностные лица, обязанные осуществлять уголовное преследование и правосудие, теряют чувство остроты.

В печати высказывалось мнение о том, что принцип неотвратимости уголовной ответственности должен быть закреплен в законе безо всяких оговорок, что, как мы отметили, не сделано в новом УК РФ, хотя в Основах уголовного законодательства 1991 года он был зафиксирован. При этом оправдано и сохранение института освобождения от наказания, проявления к отдельным лицам, совершившим преступление небольшой тяжести, снисхождения и прощения, замены наказания принудительными мерами воспитательного характера, административного и общественного воздействия. Но незыблемым должен быть при этом и принцип неотвратимости уголовной ответственности, означающий обязательное возбуждение уголовного дела по факту преступления, привлечение лица, его совершившего, в качестве обвиняемого, предание его суду, судебное разбирательство дела и, что самое главное, признание подсудимого виновным, его официально-публичное порицание и опорочение. Только за этим может следовать проявление снисхождения и прощения в виде не назначения наказания либо условного осуждения или применения «гибкого реагирования» в виде замены наказания иными мерами воздействия, не являющимися наказанием и не влекущими судимости. Следовательно, решение столь важного вопроса в каждом конкретном случае должно быть предоставлено только суду.

Такое решение вопроса, конечно, потребует соответствующей корректировки норм закона. Решение выглядело бы более последовательным, если бы освобождение от наказания происходило на основании не общей нормы, а применительно к конкретным составам преступлений, и оговаривалось в санкциях соответствующих статей Особенной части УК. Как известно, альтернативная возможность применения мер общественного воздействия вместо наказания была предусмотрена в статьях Особенной части старого Кодекса. Речь может идти о возобновлении подобного решения. Такое решение вопроса, не умаляя роли гуманных акций законодателя, больше бы соответствовало торжеству принципов законности и справедливости, равенства граждан перед законом, повышению предупредительно-профилактического влияния института уголовной ответственности на началах ее неотвратимости.

Решение проблемы неотвратимости уголовной ответственности в не меньшей степени зависит от практической организации выявления и раскрытия преступлений и расследования уголовных дел, изобличения виновных лиц и отправления правосудия, Многое, что мешает принципу неотвратимости уголовной ответственности, кроется в этой сфере. Прежде всего отмечается высокая латентность преступлений естественного либо искусственного характера. Многие зарегистрированные преступления не раскрываются, преступники не изобличаются вследствие Серьезных недостатков в работе органов предварительного расследования, плохой организации следственного производства и оперативно-розыскной деятельности. Наличие высокой латентности стало достоянием широких кругов населения, о ней тем более знают затаенные злоумышленники, лица с отклоняющимся поведением. Все это у честных и добропорядочных граждан вызывает чувство досады и недовольства, справедливые нарекания в адрес правоохранительных органов, пессимизм и нежелание сотрудничать с ними. У антиобщественных же элементов появляются иллюзии безнаказанности, ослабляются сдерживающие мотивы и, наоборот, упрочиваются криминогенные установки, решимость чинить свои злодеяния.

Последовательное претворение в жизнь принципа неотвратимости уголовной ответственности предполагает ее адекватность характеру и степени общественной опасности совершенного преступления и личности преступника. Речь идет о полноте и всесторонности раскрытия преступлений, изобличения преступников, об обеспечении возмещения всего причиненного ими морального и материального ущерба, конфискации преступно нажитого имущества. Если не удается решить эти задачи или они решаются не до конца, то не обеспечивается принцип неотвратимости уголовной ответственности, а если он обеспечивается то непоследовательно и половинчато. К каким социальным последствиям это может привести, видно по разгулу преступности, приобретению ею изощренно-организованного характера.

Другая проблема, которая так же остро стоит сегодня в борьбе с преступностью, - это разгул коррупции в государственном аппарате, в том числе в самих судебно-следственных и правоохранительных органах. В этих условиях вряд ли можно обеспечить неотвратимость ответственности каждого злоумышленника.

Формы и этапы реализации уголовной ответственности. В уголовно-правовой литературе мало публикаций, в которых бы специально рассматривалось понятие реализации уголовной ответственности. Даже в большой, специально посвященной проблемам реализации уголовной ответственности монографии Н. А. Стручкова это понятие не рассматривается. Оно затрагивается при определении форм реализации уголовной ответственности отдельными авторами в более поздних работах. Мы уже отмечали выше, в чем видит А. И. Санталов формы реализации ответственности в разного рода уголовно-правовых отношениях. И.С. Ретюнских, также посвятивший свою работу уголовной ответственности и ее реализации, полагает, что «материальной формой реализации уголовной ответственности является применение судом к виновному уголовно-правовой нормы (одной или нескольких), в результате чего реализуются права и обязанности государства и лица, действительно совершившего преступление». Кроме материальной формы реализации уголовной ответственности, он различает и процессуальную форму, которой считает вступивший в силу обвинительный приговор.

Думается, что понятие реализации уголовной ответственности и ее формы однозначно определить невозможно, если иметь в виду динамизм ее развития, многоэтапность правоотношений, в которых ответственность проявляется. При первом приближении к раскрытию искомого понятия можно считать, что реализация уголовной ответственности - это должное реагирование на совершенное преступление и принятие к виновному лицу предусмотренных уголовным законом мер воздействия, то есть это правоприменительные действия компетентных органов по отношению к виновному в преступлении. Но здесь сразу возникает вопрос: как расценить меры реагирования и воздействия, связанные с институтами освобождения от уголовной ответственности, либо когда эта ответственность заменяется мерами принудительного и общественно-воспитательного воздействия. Ответ на этот вопрос применительно к институтам старого Уголовного кодекса РСФСР частично содержался в самом уголовном законе, если иметь в виду такую его недвусмысленно ясную формулу, как «освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности» (ст. 51-1 УК РСФСР). Очевидно, и в случаях освобождения от уголовной ответственности с передачей материалов дела в товарищеский суд и комиссию по делам несовершеннолетних, а также передачи виновного на поруки лицо, совершившее преступление, не оставалось без ответственности. Оно несло ее, но в иной форме. Здесь налицо обычная административная или общественная ответственность. Лицо держит ответ, с

него учиняется спрос за совершенное им преступление, только делает это не обычный орган правосудия, а в одном случае - единоличный народный судья, в другом — товарищеский суд, в третьем — комиссия по делам несовершеннолетних и в четвертом — общественная организация или трудовой коллектив.

Поскольку эти способы реагирования и воздействия были предусмотрены уголовным законом, следовательно, они являлись уголовно-правовыми институтами, хотя не выражающими собственно уголовную ответственность, но не исключающими, а предполагающими иные формы ответственности в уголовном праве.

Несколько в ином плане подходил к этому вопросу С. И. Зельдов, который предлагал все предусмотренные законом государственные меры реагирования в отношении лиц, совершивших преступление, объединить категорией «уголовно-правовые меры воздействия», которой бы соответствовал принцип «неотвратимости реагирования на совершенное преступление», т. е. неотвратимости ответственности, если под нею понимать любую форму реагирования. Эта точка зрения в принципе не расходится с нашей. И она приемлема для характеристики и норм нового УК РФ о применении принудительных мер воспитательного воздействия и даже принудительных мер медицинского характера.

Таким образом, напрашивается вывод: понятия «уголовная ответственность» и «уголовно-правовая ответственность» неоднозначны. Первое уже, чем второе, является его частью, а второе шире, потому что охватывает и иные формы реагирования, ответственности в уголовном праве.

Реализация ответственности, предусмотренной уголовным законом, носит правоприменительный, процессуально-исполнительный характер, без чего и нет реальной ответственности, реальных отношений, в которых она проявляется. При осуществлении не собственно уголовной, а иных форм уголовно-правовой ответственности процессуально-исполнительная сторона носит упрощенный характер, она приобретает административно-правовое очертание, в то время как реализация уголовной ответственности в собственном ее смысле обычно проходит все стадии уголовного процесса и охватывает еще сферу уголовно-исполнительной деятельности.

Поэтому представляется в принципе правильным мнение, что уголовная ответственность потенциально возникает с момента совершения преступления, а началом ее реализации является привлечение лица в качестве обвиняемого. Это не формально-процессуальный момент, а начало нового морально-психологического и правового состояния лица, хотя еще не признанного виновным, но которому достаточно убедительно напоминается о его ответственности за содеянное. Если в данном случае перед нами реальный преступник (а обратное бывает очень редко), с кого учиняется спрос, кто изобличен и держит ответ перед законом, он попадает в новое состояние, несения ответственности, реальные очертания и материальное содержание которой установятся актом правосудия. И те процессуально-

принудительные меры, которые к нему применяются, обусловлены этим состоянием обвиняемого. Очевидно, по-своему прав Н. А. Огурцов, когда он связывает меры процессуального принуждения с уголовной ответственностью, с материальным ее содержанием.

С этим делением в принципе можно согласиться, оно помогает вычленить составные элементы правоотношений, в которых ответственность проявляется, реализуется. Однако упускается из виду институт судимости, ее связь с институтом уголовной ответственности. В литературе многие авторы признают, что институт судимости тоже составляет самостоятельный этап реализации уголовной ответственности, что представляется правильным.

На первом этапе в правоотношениях ответственности (а они носят процессуальный характер) участвуют органы уголовного преследования, обвиняемый и потерпевший. От них в определенной степени зависит дальнейшее развитие ответственности. Второй этап является основным для определения характера и содержания ответственности. На этом этапе решающее слово за судом, который устанавливает виновность подсудимого, степень его вины и ответственности. Учинение спроса за содеянное здесь более весомо, а ответственное состояние виновного более ощутимо. Ответственность воплощается в наказание, оценочно и материально определяется им, независимо оттого, как оно назначается - реально или условно. Затем начинается процесс исполнения наказания.

В этой стадии, реально отбывая наказание или испытывая тяготы условного осуждения, лицо несет ответственность и искупает свою вину, исправляется и перевоспитывается согласно целеполаганию наказания. Правовое положение лица и его состояние как носителя ответственности в этой стадии зависит от характера и размера наказания, а также от режима его отбывания. Оно может меняться в зависимости от того, как он искупает свою вину, начинает проникаться чувством позитивной ответственности, исправляется и перевоспитывается, то есть достигаются цели наказания.

После отбывания наказания лицо обретает новое правовое положение, находится в состоянии судимости до ее погашения или снятия. Правоотношения судимости носят уголовно-правовой характер, объектом в них выступает уголовная ответственность, их содержание определяется ею. Состояние несения ответственности в них менее ощутимо, но оно несет в себе ущемления и ограничения, которые проявляются в определенных, не выгодных для судимого морально-психологических и правовых последствиях. Но возникает вопрос: кто же является другой стороной в правоотношениях судимости? Полагаем, что ею является само государство, именем которого преступник был осужден. Если же в рамках этих отношений происходит фиксированное и обличенное в правовую форму воздействие на судимого или ущемление его прав и интересов, то на арену выступает орган государства, правомочный это делать. Например, это имеет место, когда в правоотношения включаются органы внутренних дел при установлении и осуществлении административного надзора за лицами,

освобожденными из мест лишения свободы. В этих случаях видоизменяется и характер правоотношений, уголовно-правовые отношения частично трансформируются в административно-правовые, воплощаются в них. Когда же решается вопрос о досрочном снятии судимости (п.5, ст. 86 УК РФ), в правоотношениях судимости выступает суд с властными полномочиями. И это происходит в рамках уголовно-процессуальных отношений.

Соотношение уголовной ответственности и наказания. Уголовная ответственность традиционно в обыденном ее представлении ассоциируется с наказанием, уголовной карой, а неотвратимость наказания — с реальностью уголовной ответственности. Это приводит к смешению понятий и категорий, которые, хотя они близки друг другу и диалектически взаимосвязаны, далеко не однозначны.

Из вышеизложенного нетрудно было видеть, что содержание, рамки проявления и диапазон действия уголовной ответственности шире, чем у наказания. Уголовная ответственность лишь на определенном этапе своей реализации воплощается, концентрируется в наказании. По действовавшему ранее закону она могла реализовываться и без применения наказания. Это в случаях, когда законом (ч.3,ст.50 УК РСФСР) было предусмотрено применение мер обществе иного воздействия и принудительно-воспитательного характера, а также при применении супом мер общественного воздействия вместо наказания согласно санкций ряда статей Особенной части Уголовного кодекса, в которых такая возможность предусмотрена (например, ст. 94,97; ч. 2, ст. 112, 123; ч. 1,ст. 128;ч. 1 ,ст. 130: ч. 1,ст. 131 и др. статьи УК РСФСР). В первых случаях происходите освобождение от уголовной ответственности либо от наказания, но виновное лицо хотя и не несло собственно уголовной ответственности и наказания, но без ответственности не оставалось, претерпевало иные меры воздействия. Если же освобождение от наказания происходило решением суда после судебного разбирательства уголовного дела, то имело место своеобразное проявление уголовной ответственности. Суть реализации уголовной ответственности заключалась в признании лица виновным, в его судебном порицании и предостережении, хотя уголовному наказанию оно не подвергалось, судимость не наступала. Таким решением суда прекращались и уголовные правоотношения.

Устанавливая уголовную ответственность за то или иное общественно опасное деяние, тем самым регулируя поведение людей, законодатель определяет санкцию, выражая одновременно как ценностную оценку охраняемого объекта, так и меру ответственности правосубъектных лиц. Угроза наказанием — самый весомый, если не сказать единственный «аргумент» уголовного закона, с помощью которого он вразумляет правосубъектных лиц, призывая их к проявлению позитивной ответственности, к законопослушному поведению. Поэтому последствия своего противозаконного, преступного поведения и поступков у этих лиц ассоциируется больше с наказанием, чем с ответственностью. И в случаях

реального совершения преступления их ожидание (пожалуй, и ожидание иных лиц со стороны) связано с феноменом наказания: быть ему или не быть.

Поэтому нетрудно понять, что освобождение от наказания лиц, совершивших преступление и привлеченных к уголовной ответственности, в людской психологии воспринимается как некое всепрощение, как проявление либерализма, что отрицательно сказывается на решении задачи общего предупреждения преступлений. Здесь-то законодатель, соответственно правоприменитель, сталкивается с серьезными трудностями, решая вопрос: как добиться, чтобы тот или иной способ реагирования на совершенное преступление, та или иная мера воздействия на виновное лицо, тем более освобождение его от наказания, не вступали в противоречие со сложившимися и элементарно простыми людскими представлениями о неразрывной связи преступления и наказания. Нам кажется, что самые большие издержки и неудачи в отправлении уголовной политики и правосудия кроются в этой сфере. Их предпосылки в какой-то мере заложены в самом законе, о чем говорилось выше, но главное заключается в практической правоприменительной сфере, где наблюдаются конъюнктурное истолкование тех или иных законоположений, компанейский подход к реализации законодательных новелл, новых форм реагирования на преступления, нарушение принципа социальной справедливости и, следовательно, искажение уголовной политики.

Таким образом, трудно себе представить феномен уголовной ответственности вне связи с наказанием. Реализация ответственности без наказания или с помощью иных мер воспитательного или общественного воздействия может быть расценена как явление исключительное либо экспериментальное, а не обычное. Отдаление уголовной ответственности от наказания, половинчатая ее реализация, если это будет слишком бросаться в глаза и носить частый характер, чреваты серьезными отрицательными последствиями, могут привести к резкому снижению эффективности самой ответственности, ее потенциальной силы в борьбе с преступностью.

Контрольные вопросы.

1. Понятие уголовной ответственности.

2.Социальная ответственность и ее связь с уголовной ответственностью.

3.Криминологический аспект обоснования уголовной ответственности.

4.Обьекты уголовно правовых отношений

5. Субъекты уголовно правовых отношений

Тема 3. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ПРАВООТНОШЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Понимание и трактовка вопросов уголовно-правовых отношений в юридической науке носит противоречивый и не совсем последовательный характер.

Проблема ответственности в уголовном праве непосредственно связана с характеристикой соответствующих ей уголовно-правовых отношений.

О соотношении уголовной ответственности и правоотношений. Основное внимание большинство авторов уделяет трактовке вопросов так называемых охранительных уголовно-правовых отношений, возникающих в связи с фактом совершения преступления, привлечением виновного лица к уголовной ответственности и применением к нему наказания. И в этом плане нет ясности и единства мнений по вопросу о соотношении уголовной ответственности и правоотношений. Я. М. Брайнин, одним из первых подвергший проблемы уголовной ответственности многостороннему анализу, отмечал, что «институт юридической ответственности вообще и уголовно-правовой, в частности, берет свое начало в правоотношении». Авторы, затрагивающие данный вопрос, выдвигают различные точки зрения. Одни считают уголовную ответственность сутью, содержанием уголовно-правовых отношений, процессом реализации норм уголовного закона, прав и обязанностей, которые образовались вследствие возникновения уголовного правоотношения. Другие, придерживаясь примерно такой же точки зрения, расширяют рамки правоотношений, в которых проявляется ответственность.

Объекты уголовно-правовых отношений. Невыясненность этого вопроса, несомненно, сказывается на выяснении и других элементов уголовно-правовых отношений, соответственно и связи с ними уголовной ответственности. Некоторые авторы, излагая суть уголовно-правовых отношения, вовсе не рассматривают вопрос об их объекте. У других, затрагивающих этот вопрос, встречаются разноречивые суждения. Так Н. А. Огурцов полагает, что «объектом правоотношения в советском уголовном праве является совершенное конкретное общественно опасное деяние..., объективно содержащее признаки предусмотренного уголовным законом состава какого либо преступления». А. В. Барков утверждает, что «объектом конкретного уголовного правоотношения является охрана тех общественных отношений, которые могли быть или были непосредственным объектом посягательства».

Во всех этих суждениях есть определенные моменты, в которых затронуты те или иные аспекты проблемы, но, к сожалению, нет ясности в искомом предмете. Это объяснялось отчасти тем, что в общей теории советского права вопрос об объекте правоотношений был недостаточно разработан, «являясь наиболее спорным, начиная с самой постановки вопроса». Общепризнанным, пожалуй, является формула, согласно которой объектом правоотношений является то, по поводу чего, вернее для чего они

возникают, «на что направлены субъективные права и юридические обязанности». Мнение, согласно которому объектом уголовно-правовых отношений выступает уголовная ответственность, а нормы уголовного закона устанавливают уголовную ответственность, которая и функционирует, и реализуется в правовых отношениях, представляется более правильным и перспективным как для характеристики разновидностей и всех элементов правоотношений в уголовном праве, так и для уяснения связи с ними института ответственности с ее разными аспектами и формами проявления.

Говоря о разновидностях уголовно-правовых отношений, мы имеем в виду, прежде всего, их деление на правоотношения общего характера и конкретные правоотношения. Первые связаны с регулированием нормами уголовного права общественных отношений и поведения правосубъектных лиц. Они возникают по поводу (объект) позитивной ответственности, завязывая нити взаимных связей и зависимостей между инстанцией (государством) и этими лицами, а также между самими гражданами и юридическими лицами, чьи интересы охраняются указанными нормами. Мы их называем регулятивно-охранительными правоотношениями, поскольку охрана в данном случае заключается в регулировании. Вторые, т.е. конкретные правоотношения имеют своей основой любой значимый, с точки зрения норм уголовного закона, юридический факт. Они возникают и развиваются для реализации ретроспективно-негативной ответственности. Их же мы называем охранительно-карательными (заметим, не все отношения второго порядка, которые мы имеем в виду, охватываются этим наименованием, но другого, более выразительного, мы пока не нашли, хотя, все подобные правоотношения охранительные, но не все карательные, что мы попытаемся показать в дальнейшем изложении вопроса).

Уголовная ответственность и виды правоотношений. Отметим, что предложенная нами конструкция уголовно-правовых отношений далеко не является общепризнанной, хотя в этом плане отмечаются некоторые сдвиги. Раньше, чем в советской юридической литературе, она рассматривалась учеными-юристами из зарубежных социалистических стран. Более подробно проблемы правоотношений в уголовном праве рассматривал в специальной, посвященной им монографии, ученый Петю Бояджиев из НРБ. в которой он также различает правоотношения двух видов. По его мнению, в уголовном праве существуют охранительные и санкционные правоотношения. Охранительное правоотношение, обусловленное нормой закона, функционирует для обеспечения охраны другого правоотношения либо иного важного общественного отношения морального или иного характера. Его пассивными субъектами являются все правосубъектные лица, а активными — само государство и любой член общества. Содержание такого правоотношения складывается как из обязанности пассивного субъекта не посягать на охраняемые интересы, так и из права активного субъекта требовать этого от любого обязанного лица. прав виновного, а с другой, обязанность виновного понести наказание.

Среди российских авторов, склоняющихся к подобной точке зрения, своеобразную позицию занимает проф. М. И. Ковалев. Он тоже признает наличие в уголовном праве двух видов правоотношений, выражающих различные функции уголовного права: «а) правоотношения, возникающие с момента вступления уголовного закона в силу. Они складываются между государством и всеми его гражданами, на последних возлагается обязанность соблюдать уголовно-правовые запреты и веления, а на государство - право применять санкции... в случае нарушения этих запретов и несоблюдения велений...

б) правоотношения, которые возникают в результате совершения лицом преступления. Они являются охранительными и образуются между государством и субъектом преступления».

Однако, касаясь взаимодействия указанных правоотношений и уголовной ответственности, автор проявляет непоследовательность, полагая, что ответственность не имеет выраженной связи с правоотношениями первого вида, а относится только к правоотношениям второго вида. Он считает, что в первом случае «ответственность лишь возлагается, но не реализуется. Она представляет в этом случае некое подобие дамоклова меча, который в любую минуту может быть приведен в действие, при условии, если совершено преступление. Нетрудно видеть, что логически последовательному решению проблемы автору мешает приверженность к традиционному представлению об уголовной ответственности как лишь о последствии совершенного преступления, как об обязанности претерпеть меры государственно-принудительного воздействия, то есть понести наказание за совершенное преступление». Следовательно, в правоотношениях первого вида, по его мнению, «речь идет не о действительной ответственности у всех правосубъектных лиц такая ответственность существует лишь в виде потенциальных возможностей, но не в реальной действительности».

Более полную конструктивную схему правоотношений первого и второго рода, связанных с правовыми нормами, в том числе уголовно-правовыми, и их реализацией, схему, в принципе совпадающую с предложенным нами выше ил кратким описанием, дал Б.Т. Базылев в монографии «Юридическая ответственность». Их он называет общими и конкретными правоотношениями в отличие от правоотношений, в которых ответственность выразительно не проявляется. Основания конкретных уголовно-правовых отношений. Анализ данного вопроса также важен для показа широты действия института ответственности в качестве определяющего элемента правоотношений в уголовном праве. Принято считать, что охранительно-карательные правоотношения возникают только по факту совершенного преступления и для привлечения виновного к ответственности и ее реализации, то есть для наказания преступника. А между тем не все уголовно-правовые нормы предполагают наказание. В уголовном законе немало норм и целых институтов, которые вовсе не связаны с наказанием, но функционирование и реализация которых всегда

имеют прямое отношение к институту ответственности и происходят в рамках конкретных правовых отношений. Поэтому представляется правильным замечание авторов, считающих, что понимание уголовно-правового отношения исключительно как отношения между государством и преступником по поводу совершенного преступления неосновательно сужает предмет уголовно-правового регулирования, не раскрывает содержания и сущности уголовного права.

А. И. Санталов в своей монографии. Правоотношения делит по способам правового воздействия на лиц, совершивших общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом, на две группы: а) отношения, связанные с применением принудительных мер медицинского характера к лицам, признанным невменяемыми. б) отношения, связанные с уголовной ответственностью. Далее он подразделяет отношения, связанные с уголовной ответственностью на виды, в которых проявляются: уголовная ответственность с применением мер воспитательного характера; уголовная ответственность без назначения наказания; уголовная ответственность с применением наказания; уголовная ответственность с мерами принуждения, сочетающими условное и реальное наказание; освобождение от уголовной ответственности уголовная ответственность без отбывания наказания;. Каждое из этих правоотношений, очевидно, имеет свои основания. К этой классификации требуются существенные уточнения.

Во-первых, А. Санталов не упоминает юридические факты, предусмотренные в нормах и институтах уголовного права, на основе которых возникают конкретные правоотношения и решается вопрос об уголовной ответственности. Такими фактами являются, например, причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости, при задержании преступника и иных случаях, исключающих уголовную ответственность. В этих случаях вопрос об исключении уголовной ответственности является объектом конкретных правоотношений, он решается в них после тщательной оценки факта случившегося, а не сам по себе. Подобная же картина складывается при добровольном отказе лица от доведения преступления до конца. Решением вопроса об уголовной ответственности во всех указанных случаях уголовно-правовые отношения исчерпываются.

Во-вторых, нельзя полагать, что к первой группе правоотношений уголовная ответственность не имеет отношения. И при совершении общественно опасного деяния неправосубъектными лицами (психически больными в невменяемом состоянии и несовершеннолетними, не достигшими возраста уголовной ответственности) в возникающих по такому факту уголовно-правовых отношениях на первом плане в качестве их объекта стоит вопрос быть или не быть уголовной ответственности, а затем в связи с отрицательным ответом на этот вопрос возникает необходимость применения принудительных мер медицинского или воспитательного

характера, соответственно происходит трансформация их объекта - он видоизменяется.

Более сложен вопрос о характере правоотношений, которые возникают в связи с освобождением лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности и соответственно от наказания. Новый УК РФ 1996 года предусматривает четыре института освобождения от уголовной ответственности без каких либо последствий для виновного лица: освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием виновного; освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим; освобождение от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки; освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности (ст.75,76,77,78 УК РФ). Несомненно, что такое освобождение при упомянутых условиях происходить в рамках уголовно-правовых отношений, в определенном уголовно-процессуальном порядке (ст. 6, 7, 9 УПК РСФСР) при наличии всех компонентов уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений, на основе материально-правовых и процессуальных норм. С самим фактом освобождения эти правоотношения прекращаются, если не будут возобновлены по жалобе потерпевшего и протесту прокурора по поводу решения об освобождении.

Другое дело, когда освобождение от уголовной ответственности происходит с определенными последствиями для виновного лица, с применением к нему иных мер уголовно-правового воздействия, например, применение к несовершеннолетним, освобождаемым от уголовной ответственности принудительных мер воспитательного воздействия (ст.90,91 УК РФ и ст.8 УПК РСФСР). В этих случаях прекращение уголовно-правовых отношений не происходит и во время несения принудительных мер воспитательного воздействия несовершеннолетний находится в рамках уголовно-правовых отношений.

Подобные случаи имели место гораздо чаще в соответствии с ч.3 ст.50 старого УК РСФСР, которым предусматривалось применение к освобожденным от уголовной ответственности лицам (в случаях совершения преступления небольшой тяжести) мер общественного воздействия либо административной ответственности. Однако вокруг этого института в литературе развернулись острые дискуссии, учитывая, тем более, что освобождение от уголовной ответственности в таких случаях осуществлялось не только судами, но и органами предварительного следствия и дознания (в последнем случае с санкции прокурора), а согласно ст. 160 Конституции СССР признание лица виновным (и наказания) рассматривалось прерогативой только суда.

Поэтому законодатель редукционно изменил указанные нормы, устранив из текста формулу «виновное лицо», и заменив понятие «преступление, не представляющее большой общественной опасности» (ч. 3, ст. 43) формулой «деяние, содержащее признаки преступления, не представляющего большой

общественной опасности». Мы подчеркиваем, что произошло лишь редакционное изменение, не меняющее сути представленных указанными формулами явлений. Но некоторыми авторами это было воспринято чуть ли не как переворот в сложившихся взглядах и представлениях по повод)' института освобождения от уголовной ответственности и его основаниях. Так, И. С. Ной утверждал, что при освобождении лица в случае совершения им деяния, содержащего признаки преступления, не представляющего большой общественной опасности, это деяние не оценивается как преступление в собственном его смысле, а поскольку за него последовали не меры уголовной ответственности, а иные меры, то это уже правонарушение иного рода. Он приходил к весьма сомнительному выводу, что юридическая сущность деяния зависит от того, какая санкция применяется к лицу, его совершившему. Получался своего рода логический абсурд: не основание определяет юридическое последствие, а, наоборот, от последствия, если даже оно произвольно, зависит, как оценить и интерпретировать это основание.

Если учесть, что освобождение от уголовной ответственности путем такой «декриминализации» могут производить не только, а практически не столько суды, сколько органы предварительного расследования, то нетрудно себе представить, к чему может привести расширение этой самой «декриминализации». В публикациях ряда авторов содержалась убедительная критика подобных «концепций», и мы считаем излишним приводить новые аргументы, солидаризируясь с ее критикой. Несомненно одно: для освобождения от уголовной ответственности необходимо наличие в действиях лица состава определенного преступления, а в его совершении данным лицом и в наличии других условий освобождения, предусмотренных законом, не должно быть сомнения. Все эти обстоятельства Т. Т. Дубинин удачно назвал составом освобождения от уголовной ответственности, что соответствует принятому в общей теории права понятию «фактический состав», употребляемому при необходимости не одного, а ряда фактов и условий для возникновения конкретного правоотношения определенного рода. Это относится и к правоотношениям, возникающим по поводу освобождения от уголовной ответственности. В преобладающих случаях при наличии факта совершения преступления возникают уголовно-правовые правоотношения с более емким содержанием и динамичные в своем развитии. Они связаны с реализацией санкций уголовного закона, с применением наказания, воплощаются в определенные уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные формы, видоизменяясь и смыкаясь с правоотношениями, порождаемыми процессуальным и уголовно-исполнительным законодательством. На них мы подробно остановимся в следующей главе при показе процесса реализации уголовной ответственности.

Субъекты уголовно-правовых отношений. Традиционным считается, что в качестве участников уголовно-правовых отношений выступают, с одной стороны, государство в лице компетентных органов, а с другой - физическое

вменяемое лицо, совершившее преступление. Это связано с узкой трактовкой уголовных правоотношений как отношений реализации уголовной ответственности и наказания. Если учесть широту панорамы уголовно-правовых отношений, их многообразие, то представление о субъектах получается иное.

В тех случаях, когда правоотношения возникают по юридически значимым фактам, исключающим уголовную ответственность, в качестве их субъектов выступают лица, совершившие эти факты, и органы, принимающие решения по ним. Возможно участие в этих отношениях и заинтересованных лиц, пострадавших в результате случившегося. Сложнее с определением субъектов правоотношений при применении предусмотренных уголовным правом принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости. Конечно, и здесь одним из участников правоотношений остается орган правосудия, выполняющий властные полномочия и применяющий принудительные меры в отношении невменяемого лица. Но последний равносильным участником этих отношений быть не может. В пределах возможного и допустимого он может принимать участие в уголовном процессе. С момента установления факта душевного заболевания лица, совершившего общественно опасное деяние, в обязательном порядке в процессе участвует защитник, который и представляет права и интересы невменяемого, защищает их (ст. 405 УПК РСФСР). Участником такого рода уголовно-правовых отношений может быть и потерпевшая сторона, т. е. лицо (физическое и юридическое), чьим интересам причинен ущерб действиями невменяемого лица, а также представитель последнего, на чьем попечении он находился и которому к тому же, возможно, придется выполнять роль гражданского ответчика.

Таким образом, в указанных двух группах уголовно-правовых отношений в качестве субъекта нет лица, в действиях которого имеется состав преступления и на которого можно возложить вину и уголовную ответственность, хотя и в них решается вопрос об ответственности, о ее исключении. Такое лицо появляется в третьей группе правоотношений, где происходит освобождение виновного в преступлении от уголовной ответственности при наличии определенного основания, условия, и в 4-й группе, связанной с привлечением виновного к уголовной ответственности и реализацией этой ответственности, В последней группе правоотношений субъекты более активно и до конца выполняют свои роли, осуществляют свои права и неся обязанности, составляющие содержание правоотношений.

В юридической литературе при обсуждении проблемы субъектов уголовно-правовых отношений обходят вниманием вопрос о роли и месте в этих отношениях потерпевшей стороны. Потерпевшего не принято относить к субъектам материально-уголовных правоотношений, то признают лишь в качестве субъекта уголовно-процессуальных правоотношений. Как видно из изложенного, мы включаем потерпевшего в систему субъектов уголовно-

правовых отношений. В обоснование такой позиции скажем лишь немногое. Раз ретроспективные уголовно-правовые отношения являются охранительными, а в этом ни у кого не возникает сомнение, то, очевидно, они охраняют чьи-то конкретные интересы. Как же, спрашивается, заинтересованная сторона, на чьи интересы совершено посягательство, не может быть участником этих правоотношений

Охранительные уголовно-правовые отношения-это остро конфликтные отношения, в которых выпукло сталкиваются интересы двух сторон - потерпевшей и посягнувшей. Третья же сторона - орган правосудия выполняет роль оценщика и арбитра. Принимая свои решения, органы уголовного преследования и правосудия (и даже органы, исполняющие наказание) не могут не считаться с интересами потерпевшей стороны, ради охраны которых, собственно говоря, и применяется уголовный закон, независимо от того, привлекается посягатель к уголовной ответственности и понесет он наказание или нет.

Из этого положения вытекает очень важный вывод относительно института освобождения от уголовной ответственности: лицо, подвергшееся преступному посягательству, вправе потребовать морального и материального удовлетворения от виновного лица, ущемившего его права, свободу и интересы, образно говоря, своего рода сатисфакции. Поскольку пострадавшему от преступления не дано добиваться этого самому, чинить самосуд, он обращается к правомочным органам государства. Если орган уголовного преследования и правосудия, не доставляя такого удовлетворения пострадавшем)' и вопреки его интересам и воле освобождает посягателя от уголовной ответственности, то это явно противоречит принципам морали и социальной справедливости, и, следовательно, может повлечь самые отрицательные последствия для дела борьбы с преступностью. Мы уже отмечали, что новый Уголовный кодекс РФ среди 4-х институтов освобождения от уголовной ответственности предусматривает освобождение в связи с примирением с потерпевшим, но при совершении преступлений небольшой тяжести. В случаях же освобождения по другим институтам такого согласия не требуется, хотя все они, казалось бы, не должны применяться без удовлетворения требований потерпевшего, без возмещения нанесенного ему ущерба. Решение этой стороны вопроса законодатель отнес к нормам уголовно-процессуального законодательства, скорректированным с учетом данной проблемы законом Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации» 1996 года.

В ст. 6 УПК «Прекращение уголовного дела вследствие изменения

обстановки» и ст.7 УПК «Прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием» предусматривается норма о необходимости уведомления потерпевшего, об освобождении от уголовной ответственности лица, на него посягнувшего, и потерпевший вправе обжаловать такое

решение в вышестоящий суд или вышестоящему прокурору, в зависимости от того, каким органом было прекращено дело и освобождено виновное лицо от уголовной ответственности. Если иметь в виду последнее решение Конституционного суда о расширении участия потерпевшего в судебном разбирательстве уголовного дела, то можно сказать, что происходит нужный поворот.

Для полноты характеристики уголовно-правовых отношений и их связи с уголовной ответственностью следовало бы остановиться на анализе содержания этих правоотношений. Но мы попытаемся этот вопрос охватить в следующей главе при анализе процесса реализации уголовной ответственности. В заключении данной главы коснемся другого, не менее важного вопроса.

Динамика уголовно-правовых отношений. Как любые иные правоотношения, уголовно-правовые отношения носят динамичный характер. Соответственно динамична ответственность, являющаяся объектом и определяющая их содержание. По мнению Б. Т. Базылева, любая юридическая ответственность и соответствующее ей правоотношение проходят три стадии: становления, конкретизации и осуществления. Соглашаясь с этим положением, нужно отметить, что пространственно-временные рамки и масштабы уголовно-правовых отношений зависят от того, как решается вопрос об уголовной ответственности и каково ее содержание, в каких формах реагирования и видах наказания оно воплощается.

Отсюда и напрашиваются вопросы о начете, стадиях развития и времени окончания уголовно-правовых отношений, об их связи с уголовно-процессуальными и уголовно-исполнительными правоотношениями. По этим вопросам в литературе строятся самые различные суждения и, к сожалению, нет единства мнений. Так, решение вопроса о начале, моменте возникновения уголовно-правовых отношений одни авторы связывают с фактом, временем совершения престушюния1, другие с процессуальным моментом возбуждения уголовного дела либо привлечения лица в качестве обвиняемого2, а третьи с вынесением и вступлением в силу обвинительного приговора3. Первая точка зрения представляется по-своему правильной, если иметь в виду, что факт совершения преступления каждого из полномочных и заинтересованных субъектов к чему-то обязывает, заставляет «сходиться» в соответствующие отношения. Вторая точка зрения по-своему тоже резонна в определенном смысле, поскольку ее авторы полагают, что для ощутимости и реальности связей в возникающих по факту преступления правоотношениях нужно, чтобы их субъектный состав определился в конкретных лицах. Авторы же третьей точки зрения, на наш взгляд, придерживаются ошибочной позиции. Они исходят из того, что сводят уголовно-правовые отношения и выраженную в них ответственность к признанию лица виновным актом правосудия в виде обращения к исполнению обвинительного приговора, к его наказанию. Для них весь уголовный процесс не имеет материально-

правового содержания, следовательно, не связан с уголовно-правовыми отношениями. В обоснование такой позиции И. С. Ной прибегает к весьма своеобразной трактовке положения К. Маркса о соотношении уголовного процесса и уголовного права как формы и содержания. (Соч. - Т. 1. - С. 158). Вот его аргументы: «Все дело в том, что уголовное право и уголовно-правовое отношение, уголовный процесс и уголовно-процессуальные правоотношения не синонимы и поэтому нельзя механически переносить высказывание Маркса о соотношении уголовного права и процесса на соотношение уголовно-правового отношения и уголовно-процессуального». Не вдаваясь в полемику, нужно заметить, что автор сам слишком механически трактует положения Маркса, и, не уяснив глубинной сути проблемы, пытается приемами формально-логического порядка отстоять свою точку зрения,сомнительность которой очевидна.

Многими авторами отмечается, что уголовно-правовые отношения являются материальной основой не только уголовного процесса, но и уголовно-исполнительного производства. В этом мы убедимся при рассмотрении проблем реализации уголовной ответственности в следующей главе, где коснемся и вопроса о времени окончания уголовно-правовых отношений.

Резюмируя изложенное, представляем схематическое изображение структурной картины уголовно-правовых отношений.

Регулятивно-охранительные правоотношения

1. Объект - позитивно-перспективная ответственность.
2. Основание - уголовно-правовая норма и законопослушное поведение.

3.Субъекты -государство в лице законодателя и все правосубъектные лица, а также иные юридические и физические лица, чьи интересы охраняютсязаконом.

4. Содержание -взаимокорреспондирующиеся обязанности и права указанных субъектов, связанные с проявлением позитивной ответственности и предупреждением преступлений.

Охранительно-карательные правоотношения

1.Объект- негативно-ретроспективная ответственность.

2.Уголовно-правовая норма и совершение преступления или иного оцениваемого уголовным законом факта.

3.Субъекты-государство в лице органов уголовного преследования и правосудия и лица, совершившие преступление или иной значимый по закону факт, а также потерпевшие лица.

4.Содержание-взаимокорреспондирующиеся обязанности и права указанных субъектов, связанные с принятием решения обответственности, о наказании виновного, либо об освобождении от уголовной ответственности и наказания при наличии законных оснований.

Не претендуя на неоспоримость представленной схемы, можем сказать, что она создает более или менее наглядную картину всех элементов

уголовно-правовых отношений, в которых ясно проглядываются место и роль уголовной ответственности в различных ее аспектах.

Контрольные вопросы.

1. Уголовная ответственность и виды правоотношений.

2. Понятие уголовной ответственности.

3.Криминологический аспект обоснования уголовной ответственности.

4. Основания конкретных уголовно правовых нарушений.

5. Формы реализации уголовной ответственности.

6. Динамика реализации уголовной ответственности.

Тема 4. СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ И СУЩНОСТЬ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

В отличие от института уголовной ответственности в юридической литературе теоретические проблемы уголовного наказания разработаны более обстоятельно, им посвящено множество публикаций, крупных монографических работ, научных статей'. Они достаточно полно и всесторонне отражены в учебниках и курсах по уголовному праву2. Немало научных разработок и публикаций имеется по отдельным видам наказания. В данной главе мы остановимся лишь на некоторых общих вопросах теории наказания, увязывая их с теми положениями, которые выдвинуты в предыдущих главах по проблемам теории уголовной ответственности.

Сущность наказания. Определение его понятия. Раскрытие сущности наказания является тем отправным моментом, без которого нельзя ясно представить себе его содержание, направленность и цели, механизм предупредительного влияния и воспитательные возможности,

Будучи основной формой выражения и материализации уголовной ответственности, наказание по сути своей является карой за совершенное преступление. Это положение определено старым уголовным законом (ст. 20 Основ, УК), оно и помогает дать сущностную характеристику наказания.

Однако новый УК РФ, обозначив попытку сформулировать «понятие наказания» (ч. 1, ст.43 УК), отказался от такого понимания сути наказания, ограничившись констатацией, что «наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая приговором суда». Скажем, неудачное определение.

В юридической литературе нет единообразия в понимании содержания кары как сущности наказания. Многие авторы сводят ее к страданиям и лишениям, которые доставляет наказание осужденному. Так, М Д. Шаргородский писал: «Наказание является лишением преступника каких-либо принадлежащих ему благ и выражает отрицательную оценку преступника и его деяния государством. Наказание причиняет страдание тому лицу, к которому оно применяется. Именно это свойство, являясь необходимым признаком наказания, делает его карой». Как видно, приоритет

отдается моментам лишения и страдания. О лишениях или ограничениях прав и свобод осужденного говорит и ст. 43 УК 1996 г. В курсах советского уголовного права при определении понятия наказания кара также не упоминается, а упор делается на его государственно-принудительный характер и причинение лишений виновному, а также упоминаются цели наказания.

Думается, что такой подход недостаточно полно раскрывает сущность, свойства и особенности уголовного наказания, его отличие от иных мер государственного принуждения. Он больше делает упор на значение психофизического влияния наказания и мало акцентирует внимание на властно-политическую, социально-психологическую и нравственно-этическую стороны наказания. Соответственно обедняется его социально-правовая характеристика. Наказание в руках государства — это, прежде всего, средство исправительного воспитания людей, мерило острой социальной, нравственно-этической оценки преступления и виновного лица, мера острейшего государственного реагирования на них, способ социально-психологической переориентации лиц с отклоняющимся поведением. С его помощью отстаивается социальная справедливость, вырабатывается социально-позитивная ответственность. Оценочный момент как определяющее начало характерен для любой ответственности, для любого вида воздаяния, идет ли речь о хорошем или плохом поведении, соответственно о поощрении или наказании. Но в любом случае нужна мера этой оценки, ее дифференциация и индивидуализация в зависимости от характера поступка, его результатов, категорий субъектов. Кара в уголовном наказании, на наш взгляд, и выступает критерием оценки, порицания, осуждения или неодобрения преступного поведения, предосудительного поступка виновного лица.

Такой подход к пониманию карательной сущности наказания соответствует общему социологическому представлению о значении всякого оценочного фактора для поведения и поступков людей. Наказание в его разных формах, впрочем как и поощрение, выражает общественное мнение, мнение одного лица, группы людей, коллектива, всего общества, их оценку. Оценочное влияние на внутренний мир личности, на ее поведение осуществляется как раз через одобрение или порицание по поводу ее поступков и действий. Через оценку и представленное в ней чье-то мнение оказывается наиболее ощутимое воздействие на разум, волю и чувства человека, перестраиваются его жизненные установки и поведение, А.С. Макаренко придавал особое значение выраженности в наказании общественного мнения, оценки коллектива. Он видел «сущность наказания в том, что человек переживает, что осужден коллективом» и подчеркивал, что «отправной точкой нашего наказания является целый коллектив: либо в более узком значении — отряд, бригада, класс, детские учреждения, либо в более широком — рабочий класс, Советское государство». Как видно, он имел в виду разные по масштабу способы оценки поведения личности,

разновидности наказаний, имеющие свои качественные определенности в зависимости от того, чью оценку они выражают, на чье мнение опираются. Могут возразить: А. С. Макаренко имел в виду больше наказание, применяемое в педагогической практике, и можно ли относить его положения к уголовному наказанию? Резонно поставить встречный вопрос: разве применение уголовного наказания актом правосудия, выражение в нем государственной воли и оценки — не педагогическая акция? Разве государство, тем более в социалистическом обществе, не педагог для своих граждан? На эти вопросы можно ответить только положительно. Не следует замысловатыми теоретическими конструкциями осложнять простые вопросы. Любое наказание, как и поощрение - это педагогические средства воспитания и перевоспитания людей. Механизм влияния у них един. Отличие заключается в мере оценки. Здесь применимо методологически важное положение о том, что «оценочные характеристики устанавливают меру соответствия действия или идей сущности какого-то явления».

В соответствии с характером преступления мера оценки, которую выражает уголовное наказание, отличается своими особенностями. Точно так же, как понятие преступления имеет качественную определенность, выражающуюся в его общественной опасности и отличающую его от иных правонарушений и антиобщественных проявлений, понятие уголовного наказания имеет свою качественную определенность, воплощенную в каре и отличающую эту меру оценки и воздействия на виновных лиц от иных мер принуждения.

Оценка, которая выражается с помощью кары, конечно, не просто субъективна. Она объективна и материализуется в конкретных правоограничениях и лишениях (правоущемлениях), что делает ее весомой и чувствительной с точки зрения человеческого восприятия и способной вызвать нежелательные для осужденного последствия. В этом плане кара— тот заряд поражения, которым начинено наказание. Поэтому встречающиеся в литературе образные понятия, такие как «карательный заряд», «карательная сила» вполне допустимы для характеристики разного рода наказаний, более суровых или менее суровых.

Но нельзя всю силу карательного воздействия наказания сводить к психофизическому восприятию его осужденным или иными лицами, к страданиям. Неспроста законодатель предостерегает, «что наказание не имеет целью причинение физических страданий и унижение человеческого достоинства» (ч. 2, ст.7 УК РФ). Конечно, этим не отрицается, что наказание объективно способно вызвать страдание. Иначе наказание перестало бы быть самим собой. Но законодатель не допускает, чтобы на этом делался особый акцент. Кара в наказании-это, прежде всего, категория правовая, хотя психически и физически может Ею приниматься и морально оцениваться по-разному. Она вторгается в правовой статус осужденного, образно говоря, нарушает его правовое благополучие, охраняемое и оберегаемое законом во всех остальных случаях, когда лицо не выступает против установленного

правопорядка. Поэтому она есть, прежде всего, правовое бремя и, лишь будучи таковой, способна, ущемляя интересы и блага осужденного, его личную неприкосновенность, доставлять ему тяготы и страдания.

Карательное содержание наказания складывается как из правоограничений, лишений и ущемлений, так и из правообременений, т. е. кара не только лишает, ограничивает в каких-то наличных правовых благах, но что-то добавляет обременительное, нежелательное для осужденного, заставляя его делать то, чего бы ему не хотелось. И все это обретает непререкаемую силу, поскольку исходит от правосудия, утверждается именем государства.

Служебной ролью кары является то, что она, выражая сущность наказания, одновременно выступает его мерилом, позволяет соразмерно с содеянным воздавать должное виновному лицу.

В свое время Ф. Лист, отмечая это положение, полагал, что причиняемое наказанием преступнику есть нарушение юридических благ, защищенных в иных случаях самим правопорядком.

существенное свойство наказания. Это свойство позволяет отделить уголовное наказание от других мер государственного принуждения и общественного воздействия, которые по существу тоже могут выражаться в ущемлениях, правоограничениях. Конечно, и этим мерам в какой-то степени свойственна соразмерность порицаемому правонарушению. Но при уголовном наказании этому свойству придается обостренное значение, оно определено самим законом применительно к тем или иным составам преступлений. Закон устанавливает общие начала назначения наказания, которые позволяют провести строгую индивидуализацию наказания, обеспечить его соразмерность содеянному, утвердить принцип социальной справедливости в судебной практике.

Таким образом, кара составляет ядро наказания, его сущность. Но означает ли это, что наказание исчерпывается карой и других структурно-образующих элементов не имеет, что понятие «кара» и «наказание» тождественны, как это утверждают некоторые авторы , понятие «наказание» структурно шире, чем «кара». Законодатель, очевидно, неспроста прибег к единой формуле «понятие и цели наказания» (ст. 43 УК РФ). Направленность, целеполагание наказания, как видно, законодатель включает в его структуру, потому что от этого и зависит, какова она — эта кара, чему ее подчинить, на что ее нацелить. Иначе наказание как кара может оказаться самоцелью, а эго — позиция не нашего законодателя. Когда он во главу угла при определении целей наказания ставит восстановление социальной справедливости, затем говорит об исправлении осужденного и предупреждении новых преступлений, то тем самым определяет его воспитательную направленность, подчинение его предупредительно-профилактической цели. От направленности уголовной политики, от ее социально-политической природы зависит, каким карательным содержанием наполнить наказание, какой главной идее и основным целям его подчинить.

Резюмируя сказанное, понятие уголовного наказания можно определить следующим образом.

Наказание как форма реализации уголовной ответственности является карой за совершенное преступление, акцией правосудия и государственного принуждения, мерой отрицательной общественно-политической, нравственно-этической и юридической оценки, порицания и осуждения совершенного преступления и виновного лица. Эта оценка, порицание материализуются в определенных лишениях и ограничениях, правоущемлениях и обременениях осужденного лица, соразмерных с характером содеянного им и опасности самой личности. Актом правосудия, которым применяется наказание, виновное лицо нарекается преступником. Наказание имеет своим следствием судимость. Назначение и направленность наказания и его справедливость определяется его целями, устанавливаемыми уголовным законом. Все эти признаки характеризуют уголовное наказание, его сущность и социальное назначение.

Контрольные вопросы.

1.Понятие наказания .

2. Сущность наказания.

3.Восстановление социальной справедливости, как цель наказания .

4. Цели уголовного наказания.

5. Исправление осужденного как цель наказания .

6. Функции уголовного наказания.

Тема 5. СИСТЕМА УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Определяя место к роль наказания в системе мер борьбы с преступностью, раскрывая понятая и условия его эффективности, мы говорили о наказании в общем плане» абстрагируясь от конкретных его видов и реального их функционирования. Такой подход в методологическом и теоретическом плане оправдан. Для задач правосудия, индивидуализации и дифференциации реагирования на совершенные различного вида и разной тяжести преступления и воздаяния должного разным категориям преступников и каждому из них необходимо многообразие видов наказания, имеющих соответствующие эквивалентные взаимосвязи и взаимозаменяемости, поэтому уголовный закон не просто предусматривает перечень разновидных наказаний, а определяет их систему.

Система наказаний - это структурно определенная совокупность всех видов предусмотренных уголовным законом наказаний, перечень которых дается с соблюдением последовательности и ранжированием их по характеру и размерам заложенного в них карательного элемента. Это, несколько измененная формулировка определения системы наказаний, принятая в уголовно-правовой литературе, где подчеркивается её заданность в уголовном законе, еще не поясняет, чем же определяется она на основе каких методологических посылок, объективных критериев строится.

В дореволюционном Российском уголовном праве вместо понятия «система наказаний» употреблялся термин «лестница наказаний», под которым понималась «совокупность карательных мер данного кодекса в их взаимном соподчинении и соотношении». Где же это - основная идея, с учетом которой надо строить систему наказаний? Ответ на этот вопрос мы находим у того же Ч.Беккариа, который полагал, что «наказание должно по возможности быть сходным с самой природой преступления». Идея такова, что преступник должен лишаться того же. что хотел приобрести путем злодеяния: понеся ущерб на том же поприще, на котором хотел обрести выгоду; претерпеть такой же вред и страдание, которые хотел причинить потерпевшему. Конечно, здесь проглядывается принцип Талиона, но и он построен на здравом смысле и не обязательно должен носить варварский характер. Все дело в том, как на цивилизованных началах и справедливо воздать должное преступнику и наказать его сообразно с тем, что содеял, а не отвлеченно и вне связи с содеянным. Только такое наказание может оказать индивидуализированное и эффективное влияние на осужденного, исправить его предметно, а также предостеречь иных лиц от подобного шага.

Значит, нужно предусмотреть в качестве санкций закона такие наказания, которые бы по своему роду вытекали из природы преступлений. Ж.П. Марат в известной работе «План уголовного законодательства» отмечал, что «вывести наказания из преступления является лучшим способом соразмерить наказание с преступлением».

В российском (дореволюционном) уголовном законодательстве было принято делить наказания на уголовные и исправительные (ст. 2 Уложения о наказаниях), притом каждое из них делилось на несколько родов и степеней (ст. 16). В качестве уголовных наказаний предусматривались следующие (ст. 17):

1) лишение всех прав и состояния и смертная казнь;

2) лишение всех прав и состояния и ссылка на каторжные работы;

3) лишение всех прав и состояния и ссылка на поселение в местности, к тому предназначенные.

В свою очередь, каторжные работы подразделялись на 7 степеней: без срока (т.е. пожизненно), на срок от 15 до 25 лет, от 12 до 15 лет, от 10 до 12 лет, от 8 до 10 лет, от 6 до 8 лет, от 4 до 6 лет.

Исправительные наказания заключались в следующем (ст. 30):

1. Отдача на время в исправительные арестантские отделения, с лишением всех особенных прав и преимуществ, лично и по состоянию или званию осужденного ему присвоенных.

2. Временное заключение в тюрьме с лишением всех особенных прав и преимуществ, лично и по состоянию или званию осужденного, ему присвоенных.

3. Временное заключение в крепости с лишением лишь некоторых прав и преимуществ, лично и по состоянию или званию осужденного ему присвоенных.

4. Временное заключение в тюрьме с лишением лишь некоторых прав и преимуществ, лично осужденному присвоенных.

5. Временное заключение в тюрьме без лишения прав.

6. Краткосрочный арест.

7. Выговоры в присутствии суда; замечания и внушения от органов судебных или правительственных; денежные взыскания.

Притом те из перечисленных наказаний, которые предполагали содержание осужденного под стражей, в свою очередь, подразделялись на степени по видам сроков. Например, эти степени определялись в рамках минимума и максимума сроков:

а) для исправительных арестантских отделений от 1 года до 4 лет;

б) заключение в крепости от 4 недель до 1 года и 4 месяцев;

в) заключение в тюрьму от 2 месяцев до 2 лет;

г) арест от 3 дней до 3 месяцев1.

В советский период уголовное законодательство дореволюционного периода было отвергнуто. При построении системы наказаний стали не столько руководствоваться идеей справедливости, сколько исходить из идеологических постулатов и политических соображений, особенно в период становления новой советской уголовной политики.

Уголовная политика советской власти претерпевала изменения в зависимости от социально-политических условий и развития страны по пути перехода к новым социалистическим общественным отношениям, с учетом динамики и структуры преступности, по мере криминализации и декриминализации общественно опасных деяний. Например, в первые годы советской власти, в условиях острого сопротивления свергнутых эксплуататоров и их союзников, в период гражданской войны и «военного коммунизма» суды и революционные трибуналы могли применять согласно отдельным декретам (единого уголовного законодательства еще не было) такие меры репрессии, как объявление вне закона, объявление лица, совершившего уголовное преступление, врагом революции и народа, удаление за пределы РСФСР. Лишение свободы могло применяться с указанием срока наказания либо на неопределенное время. В отношении активных участников белогвардейских организаций, заговоров и мятежей против революции и властей применялась смертная казнь в виде расстрела.

В последующем, по мере становления кодифицированного уголовного законодательства, устанавливается более выраженная и насыщенная система наказаний. Руководящие положения на этот счет содержались во 2-й Программе РКП(б), принятой в 1919 году. В разделе «В области судебной», подготовленном В.И. Лениным, отмечалось, что в области наказания необходимо осуществлять в широких размерах условное осуждение, вводить как меру наказания общественное порицание, замену лишения свободы обязательным трудом с сохранением свободы, а тюрем воспитательными учреждениями, введение практики товарищеских судов, с тем чтобы

«система наказаний была окончательно заменена системой мер воспитательного характера».

Однако этим благим пожеланиям не суждено было сбыться. Развитие уголовного права и системы наказаний пошло по канонам классической школы, но с ориентиром делать упор на использование наказания не только против общеуголовной преступности, но и как политическое средство в классовой борьбе. Соответственно этим и определялось рождение новой системы наказания. Первым значительным законодательным актом, обозначившим контуры новой системы наказаний, были Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, изданные в декабре 1919 года. В них определялись основные положения новой уголовной политики и предусматривались виды наказаний с дифференциацией их назначения на: 1) имеющие цели подавления классовых врагов (конфискация имущества, длительная строгая изоляция, объявление врагом революции или врагом народа, объявление вне закона, смертная казнь); 2) преследующие цели принудительного воспитания к дисциплине неустойчивых трудящихся, совершивших преступления. В этом перечне названий значительное место занимают новые виды наказаний такие, как внушение, общественное порицание, обязательное обучение, объявление под бойкотом, принудительные работы.

УК РСФСР 1922 года несколько модернизировал и уточнил систему наказаний.

В разделе IV (ст. 32) он предусмотрел следующие наказания:

а) изгнание из пределов РСФСР на срок или бессрочно;

б) лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой;

в) принудительные работы без содержания под стражей;

г) условное осуждение;

д) конфискация имущества- полная или частичная;

е) штраф;

ж) поражение прав;

з) увольнение от должности; и) общественное порицание;

к) возложение обязанности загладить вред.

В качестве высшей меры наказания по делам, находящимся в производстве Ревтрибуналов, допускалось применение расстрела. Вскоре после образования СССР главную роль в этом стали играть Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 года, которые вместо понятия «вины наказаний» ввели понятие «меры социальной защиты», подразделяя их на меры судебно-исправительного, медицинского и медико-педагогического характера. Притом только первые из них могли рассматриваться как собственно наказания. Вот их перечень: 1) объявление врагом трудящихся с лишением гражданства и изгнанием из пределов СССР: 2) лишение свободы со строгой изоляцией; 3) лишение свободы без строгой изоляций; 4) принудительные работы без лишения свободы; 5) поражение прав; б) удаление из пределов союзной республики или отдельной местности

(ссылка и высылка); 7) увольнение с должности; 8) запрещение занятия той или иной должности либо занятия той или иной деятельностью или промыслом; 9) общественное порицание; 10) конфискация имущества; 11) штраф; 12) предостережение. В Основных началах указывалось: «Временно в качестве высшей меры социальной защиты, впредь до полной ее отмены, для борьбы с наиболее тяжкими видами преступлений, угрожающими основам советской власти и советского строя, допускается расстрел». Союзным республикам предоставлялось право устанавливать иные «меры социальной защиты» в соответствии с общими принципами уголовного законодательства Союза ССР. В УК РСФСР 1926 года, составленного в соответствии с Основными началами, указанный перечень мер социальной защиты судебно-исправительного характера (наказаний) был дополнен лишь одной мерой - возложением обязанности загладить причиненный вред.

В качестве же мер социальной защиты медицинского характера Основные начала и соответственно УК РСФСР предусматривали: а) принудительное лечение; б) помещение в лечебное заведение в соединении с изоляцией; в качестве мер социальной защиты медико-педагогического характера: а) отдачу несовершеннолетнего на попечение родителям, родственникам или другим лицам, учреждениям и организациям; б) помещение в специальное заведение лечебно-воспитательного профиля.

В последующем приведенная система мер социальной зашиты, судебно-исправительного характера, т.е. наказаний подвергалась частичным изменениям, например, были отменены такие меры, как объявление врагом трудящихся и изгнание из пределов СССР, поражение в политических правах. Модифицировались виды и формы отбывания наказания в виде лишения свободы, о чем речь пойдет дальше.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года и соответственно с ними УК РСФСР I960 года в принципе сохранили сложившуюся в предшествующие годы систему наказаний с незначительными коррективами. Они предусмотрели четыре категории наказания: 1) применяемые.Это объясняется тем, что в эти годы на научную общественность и на законодателя стали оказывать влияние концепции социологической школы уголовного нрава только как основные - лишение свободы, направление военнослужащих в дисциплинарный батальон, исправительные работы без лишения свободы и общественное порицание; 2) применяемые как основные и как дополнительные - ссылка, высылка, лишение права занимать определенную должность и заниматься определенной деятельностью, штраф; 3) применяемые только как дополнительные - конфискация имущества и лишение воинского или специального звания; 4) исключительная мера наказания, которая вынесена за перечень (систему) - смертная казнь в виде расстрела.

Законодателям союзных республик предоставлялось право устанавливать и иные вид наказаний. Дополнительно к приведенному перечню ими были установлены: увольнение от должности (по УК 13 союзных республик из 15);

возложение обязанности загладить причиненный вред (по УК РСФСР и Таджикской ССР), лишение родительских прав (по УК 11 союзных республик)1. Наряду с видами наказания уголовные кодексы союзных республик предусмотрели еще три группы мер уголовно-правового реагирования на совершенные общественно опасные деяния, которые не являются наказанием и не выражают кару, но выполняют свои специфические предупредительно-профилактические и исправительно-воспитательные функции. Это: 1) принудительные меры воспитательного характера (их перечень в ст.63 УК РСФСР); 2) меры общественного воздействия (ст. 50, 50', 51, 52, а также они были предусмотрены в санкциях ряда статей Особенной части УК РСФСР, например ст. 94, 96, 112, 127, 130, 131, 200, 207, 208, 212'); 3) принудительные меры медицинского характера (ст. 58-62 УК РСФСР).

Отсюда вытекает, что понятие «меры уголовно-правового реагирования» (или воздействия) шире, чем понятие «система наказаний». Пока ограничимся этой констатацией, поскольку данный вопрос будет затронут и далее, при рассмотрении института освобождения от уголовной ответственности и ее замены указанными мерами уголовно-правового воздействия.

Приведенная здесь система наказаний в последующем подверглась изменениям и дополнениям. Так, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 октября 1982 года был введен новый основной вид наказания-«направление в воспитательно-трудовой профилакторий»2, который имел специальное предназначение. Оно могло применяться в отношении злостных неплатежников алиментов, нарушителей паспортного режима и лиц, ведущих паразитический образ жизни, осужденных по ст. 122, 198 и 209 УК РСФСР. Поскольку последнее две статьи были упразднены, применение этого наказания в судебной практике стало редким явлением, а впоследствии было упразднено.

В уголовно-правовой теории дискутировался вопрос о включении в систему наказаний таких институтов уголовного права, как условное осуждение (ст. 44 УК РСФСР) и условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду (ст. 242 УК РСФСР), преобразовав их в самостоятельные наказания. Однако необходимо учесть, что в этих институтах были предусмотрено не бессодержательное условное осуждение, а условное осуждение к предусмотренным системой наказаний мерам, к лишению свободы по ст. 242 УК, к лишению свободы и исправительным работам без лишения свободы по ст. 44 УК. Эти наказания могут реализоваться, если осужденный не соблюдает условия осуждения (ст. 242) или испытательный срок (ст. 44). Значит, указанные институты не выражают самостоятельные меры, не предусмотрены в перечне наказаний, и поэтому не могут занимать самостоятельное место в «системе». Тем не менее преобразование одного из этого институтов происходит. В этом можно убедиться, если проанализировать ход уголовно-правовой реформы,

тенденции, которые проявились в новых Основах уголовного законодательства Союза ССР и республик, принятого 2 июля 1991 г.

В этом союзном законодательстве существенные изменения были внесены в систему наказаний. Во-первых, в них изменен сам порядок построения системы наказаний. Если раньше в Основах 1958 года, соответственно в УК союзных республик, перечень наказаний строился по принципу "от более сурового вида к менее суровому", то Основы 1991 года, наоборот, исходили из принципа "от менее сурового к более суровому". Так, ст. 29 Основ 1991 г. перечисляет следующие виды наказаний: 1) штраф; 2) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; 3) исправительные работы; 4) ограничение свободы; 5) арест; 6) лишение свободы. В отношении военнослужащих могли применяться, кроме обычных, новые виды наказаний: возложение обязанности загладить причиненный вред, привлечение к общественно полезным работам, ограничение свободы досуга.

Кроме основных наказаний, Основы предусматривали следующие дополнительные наказания: 1) лишение воинского или специального звания; 2)конфискация имущества.

Основы оговаривали, что данный перечень наказаний не является исчерпывающим, поскольку уголовными кодексами республик могли быть установлены и иные виды наказаний.

Как видно, в процессе реформы уголовного законодательства проявлялась тенденция к заметному изменению системы наказаний. Появились новые виды наказаний, в том числе "ограничение свободы, которое по существу заменяло собой ""условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду". Законодатель отказался от ряда предусмотренных действующим в то время законодательством видов наказания, например, от ссылки и высылки, от общественного порицания, от направления в воспитательно-трудовой профилакторий. Это и понятно, ибо всякая реформа уголовного законодательства не обходится без корректировки системы наказаний. Не трудно убедиться, что в новом: УК РФ 1996 г. по существ) воспроизведена, с некоторыми коррективами, система наказаний, предусмотренная Основами 1991 года. Это видно из ст. 44 УК, в которой перечисляются в той же последовательности, которую определили Основы, следующие виды наказаний: а) штраф; б) лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью: в) лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; г) обязательные работы; д) исправительные работы; е) ограничение по военной службе; ж) конфискация имущества; з) ограничение свободы; и) арест; к) содержание в дисциплинарной воинской части; л) лишение свободы на определенный срок; м) пожизненное лишение свободы; н) смертная казнь.

Система наказаний предполагает не только составление перечня наказаний по их соотношению и ранжиру, но и разгруппировку по

определенным критериям, соответствующую классификацию, которая в известной степени связана с проблемой эффективности применительно к разным категориям преступников.

Новый УК РФ (ст. 45) предусматривает традиционную разбивку перечисленных наказаний натри группы:

1) применяемые только как основные наказания: обязательные работы, исправительные работы, ограничение по военной службе, ограничение свободы, арест, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы , смертная казнь - всего 9 наказаний;

2) применяемые и как основные, и как дополнительные наказания - штраф и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью - наказания;

3) применяемые только в качестве дополнительного наказания - лишение специального, воинского, почетного звания, классного чина и государственных наград, а также конфискация имущества - также наказания.

Ранее действовавшее уголовное и исправительно-трудовое законодательство РСФСР подразделяло все наказания, кроме обозначенных групп, на две разновидности, имевшие важное фактическое значение с точки зрения обеспечения их исполнения и достижения целей наказания- это наказания, соединяемые с мерами исправительно-трудового воздействия на осужденных, и наказания, не связанные с такими мерами. Реальное исполнение наказаний первой группы регулировалось исправительно-трудовым законодательством, а второй группы - Положением о порядке и условиях исполнения в РСФСР наказаний, не связанных с мерами исправительно-трудового воздействия на осужденных.

Такое расчленение системы наказаний имело свое объяснение и вытекало из специфических признаков, которыми отличается первая группа наказаний, которая включала: 1) лишение свободы в реальном исполнении; 2) условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду; 3) условное освобождение из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду; 4) направление в дисциплинарный батальон; 5) направление в воспитательно-трудовой профилакторий; 6) ссылка; 7) высылка; 8) исправительные работы без лишения свободы. Ко второй группе относились: штраф, увольнение от должности, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, возложение обязанности загладить причиненный вред, общественное порицание, конфискация имущества и лишение воинского или специального звания. В чем же их отличие?

Во-первых, само их наименование говорит за себя: одни соединяются в процессе их исполнения с мерами исправительно-трудового воздействия, а другие нет. В силу этого для первых характерен определенный режим отбывания наказания, когда осужденный ограничен в физической свободе (или лишен ее). находится под официальным надзором, подвергается

систематическому исправительно-трудовому воздействию с помощью предусмотренных законом средств исправления и перевоспитания (ст. 7 ИТК РСФСР); реальным исполнением этих наказаний занимается не суд, выносящий приговор, а другие государственные органы и учреждения; на осужденных, отбывающих эти наказания, распространяется действия института условно-досрочного освобождения или замены наказания более мягким (ст. 53 УК РСФСР).

Конечно, в системе наказаний, предусмотренной новым УК РФ. имеются наказания, исполнение которых немыслимо без соединения их с процессом исправительно-правового воздействия. Эти наказания говорят сами за себя: 1) обязательные работы: 2) исправительные работы; 3) ограничение по военной службе; 4) ограничение свободы: 5) арест; 6) содержание в дисциплинарной воинской части: 7) лишение свободы на определенный срок и, наконец, 8) пожизненное лишение свободы, т.е. более половины наказаний, которые к тому же применяются как основные наказания. Однако законодатель не счел необходимым подчеркнуто обозначить исправительно-трудовой характер этих наказаний, исполнение которых обязательно включает в свое содержание приобщение осужденных к общественно полезному труду осужденных (ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса и его соответствующие нормы, регулирующие процесс исполнения указанных наказаний).

Надо иметь в виду и то обстоятельство, что при разработке законодательства об условиях и порядке исполнения наказаний по приговорам суда наш законодатель решил отдать должное международно-правовым актам по защите прав и интересов лиц, отбывающих уголовные наказания. В этом студенты убедятся при изучении курса «Уголовно-исполнительное право».

Наконец, последнее, на что надо обратить, внимание при характеристике системы наказаний, это, как отмечалось в начале определения понятия «система» - эквивалентное соотношение всех наказаний, включенных в систему по карательному «заряду», соответственно возможность их взаимозаменяемости в ряде случаев назначения наказания и в процессе их исполнения. Такая необходимость возникает, когда назначенное наказание практически нельзя исполнить, либо от его отбывания уклоняется осужденный. Кроме того, эквивалентность используется при назначении наказания по совокупности преступлений и по совокупности приговоров. В последнем случае, т.е. при назначении наказания по совокупности приговоров путем их сложения это соотношение определяет ст.71 УК РФ «Порядок определения сроков наказания при сложении наказаний»: в этих случаях одному дню лишения свободы соответствует:

а) один день ареста или содержания в дисциплинарной воинской части;

б) два дня ограничения свободы;

в) три дня исправительных работ или ограничения по военной службе;

г) восемь часов обязательных работ.

В первом случае, когда предусматривается замена наказания, от отбывания которого уклоняется осужденный, другим наказанием, указанные эквиваленты не обязательно выдерживаются. Так, например, если осужденный к ограничению свободы уклоняется от отбывания наказания, согласно ч. 4 ст. 53 УК ограничение свободы заменяется лишением свободы на срок, назначенный по первому наказанию. Или другое: при уклонении осужденного от отбывания исправительных работ срок исправительных работ может быть заменен ограничением свободы на тот же срок, арестом из расчета один день ареста за два дня исправительных работ (ч. 3, ст. 50 УК). А в случае уклонения от наказания в виде ограничения свободы срок данного наказания может быть заменен лишением свободы из расчета один день на один день. Все это, очевидно, можно объяснить тем, что уклонение от назначенного наказания оценивается более жестко.

Резюмируя изложенное о системе уголовных наказаний, следует отметить, что сам по себе перечень наказаний, их разновидности ни о чем не говорят и не определяют степень эффективности. Система нужна для маневренности в уголовной политике и судебной практике. И многое зависит от того, как законодатель сконцентрирует санкции соответствующих статей Особенной части Уголовного кодекса, как предусмотрит те или иные наказания и их размеры применительно к конкретным составам преступлений, насколько адекватно это получается, с тем чтобы обеспечить объективное и справедливое назначение наказания по каждому преступлению, в отношении каждого преступника.

Контрольные вопросы.

1. Понятие наказания.

2. Сущность наказания.

3. Соотношения уголовной ответственности и наказания.

4.Этапы реализации уголовной ответственности.

5. Принцип неотвратимости уголовной ответственности.

Тема 6. ЦЕЛИ И ФУНКЦИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Цели наказания влияют на существо кары и определяют направленность наказания, главное его назначение. Определяя цели наказания, законодатель указывает на оптимально возможный и желаемый результат выраженной в законе угрозы наказанием и практики его применения в борьбе с преступностью. Для правоохранительных органов, применяющих и исполняющих уголовное наказание, они становятся ориентиром эффективности их практической деятельности. От целей наказания следует отличать его функции, с помощью которых решаются частные задачи, достигаются промежуточные результаты на пути к целям. Смешение целей с функциями в литературе встречается, и это не только

мешает правильному уяснению тех и других, но и приводит к искажению социального назначения наказания, направленности уголовной политики. Например, такое происходит, когда в качестве цели наказания признается сама кара. Сторонники такой точки зрения были и ранее, хотя казалось бы, законодатель волею своей определял кару как суть наказания, а вопрос о его целях решал четко и недвусмысленно. Н. А. Беляев, И. И. Карпец в своих монографических работах в качестве одной из целей наказания ставят и кару. При этом Н.А. Беляев поясняет: «Под карой как целью наказания мы понимаем причинение правонарушителю страданий и лишений в качестве возмездия за совершенное им преступление». Думается, такой подход не согласовывался с законом, если ни сказать — прямо противоречил ему. И. И. Карпец, отстаивая такую же точку зрения, рассуждал примерно так: раз наказание карает и достигает каких-то целей, без чего не бывает, значит кара является одной из целей наказания. Аргументы одного и другого авторов неизбежно приводят к выводу, что наказание как кара является самоцелью, чего как раз уголовный закон не допускает, а ныне действующий тем более.

Покарание — не цель наказания, а его функция, причем функция первоочередная и очень важная, поскольку вытекает из сути наказания. Но она носит подчиненный характер по отношению к определенным целям. Это — воля законодателя, и искажать ее нельзя. Наряду с карой наказание на пути и для достижения своих целей выполняет и другие функции. Все функции наказания мы сгруппировали попарно следующим образом: кара и воспитание, принуждение и убеждение, устрашение и обезопасение, воздаяние и возмездие, подавление и реформация, предостережение и вразумление. Ни одну из этих функций законодатель в качестве цели не выдвигает, но каждая из них ради достижения официально провозглашенных целей решает определенную задачу. Такая группировка функций наказания в литературе не встречается. Правда, многие из них в той или иной мере затрагиваются, но больше для выяснения вопроса, является ли та или иная отмеченная функция целью наказания. Комментируя их, скажем лишь следующее. Прежде всего отмечается определенная внутренняя согласованность и взаимодействие этих функций. Каждая из пары функций служит другой и все вместе способствуют достижению целей наказания.

Так, наказание карает и воспитывает, но точнее будет сказать: карая воспитывает. Соответственно выглядит и соотношение других парных функций. Наказание есть мера государственного принуждения, она принуждает, но делает это ради убеждения, следовательно и убеждение есть его функция. Наказание должно быть способным устрашать, но ради обезопасения осужденного. Моменты устрашения и обезопасения сходятся вместе, хотя каждая из этих функций и относительно самостоятельна. Обезопасение. например, может заключаться не только в воздержании от преступления осужденного (и иных лиц) под страхом испытываемого и возможного нового наказания, но и в том, что изобличенный и «выставленный напоказ» преступник менее опасен, чем не изобличенный, не

говоря о том, что обезопасывающие элементы могут содержаться и в самом наказании. Наказание воздает должное за содеянное ради справедливого возмездия, отплачивает преступнику за его зло, следовательно функции воздаяния и возмездия сливаются воедино, служа достижению целей наказания. Наказание способно подавить, приглушить отрицательное в личности осужденного, его «злую волю», но делает это ради ее реформации, адаптации в социальных условиях. Кстати, момент подавления признается и в педагогической практике, он присутствует в любом наказании.

Дефектные черты психологии личности требуют выправления, без чего нельзя добиться формирования новых, а наказание должно способствовать этому. В данном случае, подчеркиваем, о подавлении речь идет как о моменте наказания, об одной из его вспомогательных функций. Когда законодатель исходит из острых классово-политических позиций, подавление может выступать на передний план в качестве одной из целей наказания. Это, например, имело место в первые годы советской власти. Тогда уголовная репрессия отчасти служила орудием подавления жесточайшего сопротивления свергнутых эксплуататоров. В.И. Ленин призывал: «Никакой пощады, этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся. Война не на жизнь, а на смерть богатым и их прихлебателям, буржуазным интеллигентам, война жуликам, тунеядцам и хулиганам». Однако в принятых в дальнейшем законодательных актах по уголовному праву подавление как цель наказания не упоминается, оно отодвигается на задний план.

Приведенные в перечне функций предостережение и вразумление нам представляются также свойственными уголовному наказанию. Наказание-это действительно серьезное предостережение, вразумляющее как осужденного, так и иных лиц. Его публичность и гласность, очевидно, способствуют осуществлению этих функций, которые, как и другие, служат достижению целей наказания.

В юридической литературе встречаются суждения о восстановлении нарушенного права и удовлетворении потерпевшего, как имеющие отношение к определению задач и функций наказания. Думается, что они имеют связь с уголовной ответственностью, которую несет виновное лицо, должны включаться в ее структуру, в известной мере имеют отношение к наказанию. Они находятся в непосредственной связи с наказанием и должны решаться вместе и наряду с наказанием.

Восстановление социальной справедливости как цель наказания. Новым Уголовным кодексом данная цель поставлена во главу угла целеполагания наказания как важнейшее его начало. Однако закон не дает никаких пояснений, что понимается под восстановлением социальной справедливости, как его практически достичь. На наш взгляд, во главу угла надо было поставить восстановление попранных прав и интересов жертв преступлений, а затем обратить внимание на восстановление попранной социальной справедливости по отношению к социальной среде, в которой

обитал преступник, и ко всему обществу, к государству, гражданином которого он является.

Для восстановления социальной справедливости и карается преступник, получает возмездную отплату за свое преступление.

Восстановление социальной справедливости может иметь место тогда, когда по каждому уголовному делу конфликт сторон (потерпевший, виновное лицо), который выражен в преступлении, разрешается на справедливых началах, воздавая должное каждой из сторон конфликта, а в известной мере «примиряя» их: виновное лицо должно получить свою справедливую кару за содеянное и принудительное побуждение к возмещению причиненного ущерба; а потерпевший - удовлетворение в моральном, материальном плане и, если требуется по характеру преступления, физическое восстановление (скажем, ежи речь идет о преступлении против здоровья). При всем этом традиционным является определение в качестве важнейших целей наказания исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений (ч.2. ст. 43 УК РФ). Законодатель, как нам кажется, зря ушел от подразделения (текстуально) целей индивидуально-частного и общего предупреждения преступлений, хотя, очевидно, это и предполагается. Далее приступим к анализу указанных целей наказания.

Исправление осужденного как цель наказания. Идея «исправления исправимых элементов из богачей,... жуликов и хулиганов» была провозглашена В. И. Лениным впервые же годы советской власти1. Однако она в те годы не могла быть реализована полнее и шире, выдвинута на передний план уголовной политики и судебной практики. Объясняя это положение, один из руководителей органов юстиции Л. Саврасов отмечал: «...теоретически неисправимых преступников нет. Но мы действуем во времени и пространстве, сил у нас недостаток, и нам впору справиться с теми случайными и молодыми преступниками, которых мы можем и потому обязаны вылечить». По мере решения социально-экономических задач переходного периода задача исправления осужденных стала выдвигаться на передний план. В законодательстве и научной литературе 20-х годов исправление осужденных трактовалась как приспособление их к условиям социалистического общежития (ст. 9 УК РСФСР 1926 г.) В Исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1933 г. в ст. 2 задача исправления осужденных трактовалась как «перевоспитание и приспособление их к условиям трудового общежития путем направления их труда на общеполезные цели».

Провозглашение в действующем законодательстве исправления осужденных как первоочередной цели наказания наряду с предупреждением преступлений - это отражение тех социально-политических перемен, которые произошли в нашей стране за многие годы, особенно в советский период, и наглядное выражение гуманности уголовной политики.

В литературе строились многие суждения о соотношении установленных в законе целей наказания, о приоритетности одной из них. Так, М. Д.

Шаргородскии считал, что исправление осужденных не относится к конечной цели наказания, а служит средством достижения предупреждения совершения новых преступлений, что и является его конечной целью3. Таким образом, исправление низводится до одной из функций, которую выполняет наказание. Такая трактовка, нетрудно видеть, не согласуется с волей законодателя. А автор не придал значения тому, что законодатель возвел функцию исправления в ранг цели наказания и выдвинул ее на передний план в формуле закона, определяющего эти цели. Здесь выражена определяющая идея государственной уголовной и уголовно-исполнительной политики. Неспроста в соответствующих нормах уголовно-исполнительного законодательства в качестве основной задачи органов, исполняющих наказание, выдвигается исправление осужденных, ради осуществления которой определены основные средства его достижения (ст. 22 Уголовно-исполнительного кодекса РФ 1996 г.). Не все эти средства отражают суть сущности и содержания наказания, но существенно дополняют и обеспечивают процесс исправления и перевоспитания осужденных. На это государством мобилизованы большие ресурсы и тратятся огромные средства. По старому Уголовному закону (ст. 20 УК РСФСР) в качестве воспитательной цели наказания провозглашалась формула «исправления и перевоспитания» вокруг которой в литературе строилось много суждений полемического характера. Встречались разные мнения по поводу понятия и содержания «исправления и перевоспитания» как цели наказания. Отдельные авторы при анализе расчленяли его на два самостоятельных понятия: «исправление» и «перевоспитание», представляя первое из них как задачу-минимум, а вторую как задачу максимум, которые должны или могут выполняться в процессе исполнения наказания.

Отсюда также делался вывод, что одни осужденные подлежат исправлению, а другие - перевоспитанию. На наш взгляд, для таких выводов не было оснований. Они являлись следствием смешения цели наказания с принципом индивидуализации ее достижения. Законодатель, формулируя единую цель наказания двумя словами «исправление и перевоспитание», во-первых, не давал основания считать, что допустимы два вариант одной и той же цели — минимум и максимум, а во-вторых, указанную цель относил ко всем видам наказаний и ко всем категориям подвергаемых им преступников, тем самым выражая оптимальный вариант желаемого результата, поставленной цели. Другое дело, что эту цель по-разному можно применить к каждому преступнику, что она приобретает индивидуализированный характер, поскольку преступники, в различной степени нуждаются в исправлении и перевоспитании.

В тех случаях, когда речь идет об оказании воспитательного воздействия и одновременно его результате, в законе говорилось об «исправлении» и «перевоспитании». Когда же имелась в виду оценка достигнутого результата, употреблялся термин «исправление».

Старый уголовный закон определял и общие критерии, которым должно было отвечать достижение цели исправления и перевоспитания. Это -честное отношение к труду, точное исполнение законов, уважение к правилам социалистического общежития (ст. 20 УК РСФСР). В других нормах эти критерии дополняются новыми, относящимися к процессу отбывания наказания, это — «примерное поведение» (ч. 2, ст. 55; ч. 2, ст. 57 УК), применительно же к несовершеннолетним еще «честное отношение к обучению» (ч. 2, ст. 55 УК). Новый УК РФ 1996 г. кроме упоминания цели «исправления», никаких критериев ее достижения не приводит, что, пожалуй, следует считать существенным пробелом. Очевидно, это объясняется идеологическим вакуумом, образовавшимся в педагогической практике, связанным с периодом острого кризиса во всех сферах общественной жизни.

Из того что было зафиксировано в старом УК, вытекает необходимость подчинения наказания и применяемых в дополнение к нему мер исправительно-трудового воздействия не узкому «юридическому исправлению», а более содержательной перестройке личности. Поэтому и раскрытие содержания понятия «исправление» должно строиться не односторонне, с точки зрения права или нравственности1, а одновременно, если иметь в виду его юридическое и нравственно-этическое содержание, используя психолого-педагогический и криминологический подходы. Структурно-личностная и типологическая характеристика разных категорий преступников и каждого осужденного в отдельности — эта та основа, на которой и нужно «воздвигать» процесс исправления и, соответственно, оценивать его результаты. Во всех случаях в отношении каждого осужденного желаемый результат должен выразиться в тех критериях, которые вытекают из закона, то есть в выработке в осужденном прочной социально-позитивной ответственности, надежного нравственно-этического потенциала и правовой сознательности.

Уяснение самостоятельности и содержания этой цели вызывает определенные затруднения, особенно когда ее надо соотносить с целью исправления осужденного. Возникает вопрос: если достижение надежного исправления осужденного обеспечивает несовершение им новых преступлений, почему отдельно выдвигается еще и цель частной превенции? И. С. Ной к этому вопросу подходит с точки зрения сопоставления понятий «юридическое исправление» и «моральное исправление». Первое, по его мнению, достигается с помощью частной превенции, а второе - исправлением и перевоспитанием осужденного. Таким образом, получается, как и у Н. А. Беляева, что частная превенция - это малая цель, а исправление и перевоспитание - оптимальная цель. М. Д. Шаргородский, наоборот; выдвигает; на передний план предупреждение новых преступлений, рассматривая его конечной целью наказания, а исправление и перевоспитание считает первоначальной целью, служащей этой конечной цели. Думается, такое сопоставление, «ранжирование» определенных законом целей наказания практически не оправдано и методологически не

обосновано. Нельзя забывать, что все цели наказания едины и взаимосвязаны. Наказание - это не только способ реагирования на совершенное преступление, но и средство воспитания и исправления людей. Оно одновременно предупреждает совершение преступлений и воспитывает людей, следовательно выходит за рамки уголовного права и приобретает социальный характер. Это и выражено в законе при определении целей наказания: указывая на исправление как на цель наказания законодатель определяет его социальное, вернее, социально-педагогическое предназначение. А определяя в качестве одной из целей частную превенцию, законодатель отдает дань наказанию как средству социально-криминологического предупреждения преступлении. И то и другое сходятся на цели общего предупреждения преступлений, о чем законодатель также не забывает.

Касаясь существа цели частной превенции, надо отметить, что механизм ее достижения заключается в карательном содержании наказания и испытании его осужденным. Если же впоследствии осужденного удерживает от совершения преступления опыт пережитого наказания, то, считается, налицо частное предупреждение. Не имеет значения, что на это больше оказало влияние: устрашение, страдание, испытание кары, осознание своей вины, перестройка установок или же исправление в подлинном смысле.

Кроме того, частно-предупредительный эффект заключен не только во внутренней мотивации поведения осужденного благодаря испытанию наказания. Есть наказания, которые по своему характеру больше или меньше способствуют этой цели. Скажем, такая исключительная мера, как смертная казнь, полностью обезвреживает осужденного. Лишение свободы как наказание больше располагает ресурсами частного предупреждения, но эти ресурсы действуют во время его отбывания. Наказания, не связанные с лишением свободы, или виды условного осуждения в той или иной мере связаны с усилением социального контроля за осужденными, и это обстоятельство служит цели частного предупреждения. Таким образом, не все заключается в том, как прочувствует наказание осужденный. Многое зависит от внешних обстоятельств его отбывания и от того, как воздвигаются «барьеры» на пути возможного совершения новых преступлений осужденным.

Таким образом, частно-превентивные ресурсы наказания смыкаются с мерами специально-криминологической профилактики.

Предупреждение совершения преступлений иными лицами (обшая превенция) как цель наказания. При рассмотрении этого вопроса в литературе встречаются различные подходы. В одних случаях вопрос ставится широко, с точки зрения выяснения предупредительной роли самого уголовного закона и содержащейся в нем угрозы наказанием за конкретные общественно опасные действия и практики реализации этой угрозы. В других же случаях вопрос трактуется узко: каково предупредительное влияние примененного к преступнику наказания на иных лиц, каков при этом

механизм удержания этих лиц от совершения преступления. Отвечая на первую постановку вопроса, А. И. Марцев, утверждает, что «основным рычагом в механизме общего предупреждения преступлений является страх перед наказанием, страх перед возможностью пережить тяготы и лишения» и приводит данные проведенного им опроса лиц, которые, будучи в ситуации возможного совершения преступления, воздержались от него, боясь наказания (70.5%), Но опросу подвергались осужденные лица. Каково же обшепревентивное влияние угрозы наказанием и самого уголовного наказания на законопослушных граждан определить трудно, так как специальных исследований по этому вопросу нет.

Что же касается реально применяемого к преступникам наказания, то его общепревентивное влияние обычно выясняется, исходя из житейского представления: наказание применяется не только ради того чтобы покарать преступника, но и чтобы было неповадно другим, послужило им уроком.

Конечно, механизм этого влияния, ассоциации, вызываемые практикой применения наказаний, в различных людских кругах и у отдельных лиц, неодинаковы, однако это влияние в определенной степени есть. Многое зависит от общего уровня общественного правосознания, морального и культурного уровня в обществе. Не меньшее значение имеет претворение в жизнь принципа неотвратимости уголовной ответственности и наказания. Можно констатировать, что в последние годы общепревентивное влияние судебной практики, применения наказания в нашей стране заметно ослаблено прежде всего в связи с нарушением указанного принципа. На общем предупреждении отрицательно сказываются нестабильность и нереальность судебных приговоров, широкое применение институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания, условно-досрочного освобождения от наказания, частые амнистии. Все это в определенных кругах людей порождает дух либерализма и всепрощенчества.

Нужно отметить, что достижение общепрезентивного влияния наказания по существу имеет тот же механизм, что и для частной превенции, используются те же ресурсы наказания, отмеченные выше функции. Насколько чувствительно наказание для преступника, настолько же оно влиятельно на иных лиц. Характер несения и испытания наказания осужденными хотя и отдаленно во времени и пространстве, но становится достоянием других лиц, делается чувствительным и для них.

В работе, переведенной на русский язык, норвежский ученый И. Анденес (президент Норвежской академии наук) подробно анализирует общепредупредительное влияние уголовного закона и наказания. По его мнению, «наказание обладает общепредупредительным действием трех видов: оно может иметь эффект устрашения, может усиливать моральные запреты (моральный эффект) и может стимулировать привычное законопослушное поведение. Это необходимо подчеркнуть, поскольку те, кто скептически относится к общему предупреждению, имеют в вид)' только эффект устрашения». В отличие от утилитаристских концепций наказания,

характерных для многих буржуазных ученых, И. Анденес пытается представить роль уголовного наказания в более широком социальном контексте. Поэтому его точка зрения представляет для нас определенный интерес.

В юридической литературе встречаются различные суждения по вопросу об адресатах общепревентивного влияния наказания, о соотношении общей и частной превенции как целей наказания, попытки показать приоритет одной из них. Не вдаваясь в подробности обсуждения этих вопросов, отметим лишь следующее. Адресатами общепревентивного воздействия наказания в плане предостережения от совершения подобных преступлений, очевидно, являются только правосубъектные лица, а в плане же воспитательно-профилактического влияния-все граждане. Что же касается вопроса о соотношении указанных целей, то мы уже отметили, что они диалектически едины и взаимообусловлены.

Наказание едино в своей сущности и целенаправленности. Его «расчленение», структурно-функциональный анализ носят лишь гносеологический характер, нужны для познания этой сущности. И главное в научных исследованиях должно заключаться не в догматических словопрениях, а в выработке концепций и рекомендаций, которые бы способствовали эффективности наказания в борьбе с преступностью. Этим вопросам нами будут посвящены следующие темы пособия.

Контрольные вопросы.

1. Понятие уголовной ответственности .

2. Понятие наказания.

3. Сущность наказания.

4. Восстановление социальной справедливости , как цель наказания.

5. Цели уголовного наказания.

6. Исправление осужденного как цель наказания

Тема7. ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Эффективность наказания, его предупредительное влияние в значительной степени зависит от того, насколько правильно определяется судом ответственность виновного в совершения преступления лица и справедливо воздается ему должное путем назначения адекватной меры наказания.

Острота этой проблемы зависит от того, каково законодательное установление санкций за те или иные преступления. Если санкция абсолютно определенна, то суду ничего не остается, кроме как удостовериться в виновности лица и в наличии в его деянии состава данного преступления, а в

приговоре обозначить меру наказания, которую предопределит закон. Такая безусловная определенность санкций была характерна для древних памятников права (Законов Хаммурапи, Салической правды, Каролины, Русской Правды и др). Объясняя непригодность такой системы, известный русский ученый-юрист Н.С.Таганцев писал; «Условия, определяющие возникновение преступного деяния, общественное и индивидуальное значение последствий, им вызванных, столь разнообразны, что никакой законодатель не в состоянии уловить их в свои, по необходимости, твердо ограниченные формулы, а должен предоставить оценку всех этих условий и определение влияния их на меру ответственности применителям закона уголовного к отдельным деяниям и прежде всего суду».

Однако при отсутствии в законе абсолютной определенности санкций за конкретные виды преступления (а это характеризует УК РФ 1996 г.) нужны гарантии от судебного произвола в деле определения в приговоре адекватной совершенному преступлению меры наказания подсудимому. Кроме установленных самим законом общих принципов и правил назначения наказания, необходимо, чтобы санкции имели свои варианты и четко обозначенные границы, т.е. относительную определенность. Добавим к этому немаловажный фактор для гарантии справедливости назначения наказания - это чтобы судьи были опытными, добропорядочными и неподкупными, принципиальными и объективными и проявляли эти качества при оценке обстоятельств дела и определении меры наказания.

Следует иметь ввиду, что наш закон предоставляет широкие возможности для проявления усмотрения суда. Это вытекает из характеристики санкций конкретных составов преступлений. Они сконструированы по правилам относительной определенности, альтернативности и кумулятивности. Это можно проиллюстрировать на анализе многих статей Особенной части УК. Возьмем, для примера, такое наиболее распространенное преступление, как кража, т.е. тайное хищение чужого имущества. Согласно ч.1 ст.158 УК РФ, предусматривающей простой состав данного преступления, в качестве альтернативных санкций предусмотрены: 1) штраф в размере от 200 до 700 минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до семи месяцев; 2) обязательные работы на срок от 180 до 240 часов; 3) исправительные работы на срок от одного года до двух лет; 4) арест на срок от 4-х до 6 месяцев; 5) лишение свободы от 6 месяцев до 3 лет. Нетрудно видеть, как широки возможности суда при выборе и назначении оказания в данном случае: во-первых, из пяти альтернативных вариантов сделать один выбор, а во-вторых, при выборе любого из них назначить в рамках относительной неопределенности конкретный срок или размер выбранного наказания.

Таких санкций и с более сложной конструкцией, дающих возможность суду варьировать назначение наказания в разных диапазонах, в новом УК РФ множество, Но как избежать субъективизма, ошибочного или необъективного усмотрения судов при многообразии вариантов и

обстоятельств совершения одного и того же преступления разными лицами, как выяснить степень виновности и меру ответственности подсудимого, соответственно с этим справедливо определить меру наказания. Эти вопросы имеют, пожалуй, серьезное значение, особенно в практическом плане.

Назначение наказания - это завершающий этап процесса судебного, разбирательства, оценки всех доказательств и фактических обстоятельств» уголовного дела, итогом которого является признание лица виновным в квалифицируемом его деяние составе преступления и определение ему наказания (его вида, срока или размера) как основного, а при необходимости или предусмотренности санкцией дополнительного наказания. Закон предусматривает основные правила, «Общие начала назначения наказания», которыми суд должен руководствоваться при определении меры наказания. Новый УК РФ в эти Общие начала внес существенные коррективы и, кроме того, предусмотрел ряд дополнительных норм, ограничивающих субъективное усмотрение суда, чего не было раньше Прежде; всего коснемся положений общих начал назначения наказания, предусмотренных ст.60 УК РФ. По существу заимствуя положение общих начал назначения наказания, которые были предусмотрены в Основах уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 года, российский законодатель внес в него свои коррективы. В Основах предусматривалось: «Лицу, совершившему преступление, должно быть назначено справедливое наказание, необходимое и достаточное для его исправления и предупреждения новых преступлений. Наказание в виде лишения свободы может быть назначено лишь при условии, что его цели не могут быть достигнуты иным, более мягким наказанием, предусмотренным законом (ч.2, ст.41 Основ)». Пожалуй, с точки зрения реального ограничения применения лишения свободы и без надобности (т.е. увлечения им, что мы видим из сегодняшней судебной практики) данное положение более целесообразно, чем то, что зафиксировано в УК РФ.

Однако в принципиальном плане обе эти формулировки законов, посвященных определению главной сути наказания, принципа его назначения, представляются не совсем удачными, если ни сказать не соответствующими сути и предназначению наказания. Ведь наказание - это воздаяние злом за зло (от этого нам не уйти), следовательно, главный определитель такого воздаяния -покарание злодея, т.е. преступника - за то, что он сотворил. Если наказание не соответствует (или, иначе говоря, не пропорционально) содеянному, оно не может считаться справедливым и праведным.

Не совсем удачным представляется и то. когда оценку содеянного, т.е. совершенного преступления, его характер и степень общественной опасности законодатель предусмотрел в числе всех иных обстоятельств, в том числе оценки личности и его окруженияНеспроста мы подчеркнули слово «учитывается», получается как бы между прочим, а не в качестве главного и определяющего критерия - учитывается характер и степень общественной

опасности преступления. Пожалуй, это положение следует признать в качестве очень заметного начала либерализации уголовной политики новых властей Российской Федерации в период реформаторства и коренной перестройки общественного строя в стране.

Но как такая «политика» может сказаться и на деле сказывается в нынешнее время на предупредительной роли уголовного закона и наказания, мы попытались показать в предыдущих темах. К сказанному в них добавим, что процесс назначения уголовного наказания в судебной практике приобрел демонстративно-либеральный характер. Для подтверждения этого утверждения достаточно оценить такие штрихи: в судебной практике Республики Дагестан, по данным за 1999 год, по всем уголовным делам были вынесены приговоры к условному осуждению около.40% осужденным, в том числе около 70% условных приговоров вынесено в отношении осужденных несовершеннолетних. Очевидно, примерно такое же положение имеет место в судах других регионов страны. При том условное осуждение, как правило применяется к наказанию в виде лишения свободы. Почему это так происходит нетрудно понять, если места лишения свободы переполнены, осужденных к реальному наказанию девать некуда, хотя разгрузочные амнистии применяются одна за другой. В этих условиях трудно назначать наказания, соблюдая все принципы, особенно принцип соответствия наказания совершенному преступлению.

В этом плане в новом УК предусмотрены нормы, устанавливающие новые положения и определяющие границы сроков или размеров наказания, которые должны соблюдаться судами при назначении наказания по уголовным делам отдельных категорий. Они заключаются в следующем:

1. По-новому по сравнению с прежним уголовным законом определен порядок назначения наказания за неоконченные преступления. Согласно ч. 3 ст. 15 УК РСФСР 1960 г. наказание за приготовление к преступлению и покушение на преступление суды могли назначать по санкции статьи Особенной части УК, предусматривающей ответственность за данное преступление. Иное решение предусматривает ст. 60 УК РФ 1960 г.: срок или размер наказания за приготовление к преступлению не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК за окончание преступления. И далее; срок или размер,наказания за покушение на преступление не может превышать 3/4 максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей УК за оконченное преступление. При всем этом не может назначаться смертная казнь или пожизненное лишение свободы.

2. Если уголовное дело рассматривалось в суде с участием присяжных заседателей и им вынесен вердикт о виновности подсудимого с оговоркой о том, что виновное лицо заслуживает снисхождения, то назначаемое наказание не может превысить двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершение данного

преступления. А если же вердикт гласит «и заслуживает особого снисхождения», то наказание должно назначаться по правилам о назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление законом.

3. У К РФ 1996 г. сохранил институт назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64). Это может происходить при наличии исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время и после совершения преступления и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, а равно при активном содействии участника группового преступления раскрытия этого преступления. В этих случаях суд может назначить наказание ниже низшего предела, предусмотренного санкцией, или прибегнуть к назначению более мягкого наказания, не предусмотренного санкцией инкриминируемой статьи, а также не применять дополнительный вид наказания, предусмотренного санкцией в качестве дополнительного.

Как показывает судебная статистика, после принятия нового Кодекса суды стали чаще применять данный институт. Так, в 1990 году от общего числа осужденных к лишению свободы суды назначили более мягкое наказание (т.е. ниже низшего предела срока) 2,9 % лиц, в 1996 году -7,2 %, в 1997 году - 8,4 % и в 1998 г.- 8,2%.

4. Очень скудно в новом УК РФ решается вопрос об индивидуализации назначения наказания за преступления, совершенные в соучастии. Как отмечено в ст. 67, в этих случаях «учитывается характер и степень фактического участия лица в его совершении; значение этого участия для достижения цели преступления; его влияние на характер и размер причиненного или возможного вреда. Смягчающие или отягчающие обстоятельства, относящиеся к личности одного из соучастников, учитываются при назначении наказания только этому участнику».

Как известно, при совершении одного и того же преступления или ряда преступлений группой лиц во многих случаях могут не совпадать цели и особенно мотивация участия в их совершении у отдельных лиц. Поэтому следовало бы подчеркнуть необходимость учета всех элементов субъективной стороны состава данного преступления: степень виновности, цель и мотив каждого участника в отдельности, их эмоциональное состояние до, в процессе и после совершения преступления. Не все эти моменты могут быть охвачены внесоставными обстоятельствами смягчающего или отягчающего характера, а при определении степени виновности и меры ответственности каждого соучастного лица они должны учитываться.

5. Своеобразно и по новому решен в УК РФ и вопрос о назначении наказания при рецидиве преступлений (ст. 68 УК). Здесь проявлен тот же арифметический подход, устанавливающий границы срока или размера наказания: при простом рецидиве - не менее S максимального срока наиболее строгого вида санкции; не менее 2/3 - при опасном рецидиве. Если же

прежняя судимость предусмотрена в качестве квалифицирующего элемента в структуре состава преступления, то наказание применяется без учета указанных границ (ч.3, ст.68).

6. В Уголовном кодексе РФ 1996 года иной подход проявлен и при решении вопроса о назначении наказания при совокупности преступлений (ст. 69) и совокупности приговоров (ст. 70). Новый подход в принципе существенно отличается от того, как эти вопросы решались в прежнем Кодексе, притом решались на явно несправедливых и практически вредных началах. Хочется напомнить, что нами отмечалось в предыдущем издании учебного пособия (1994), критикуя существовавшее положение вещей. «Критическое отношение вызывают предусмотренные уголовным законом правила назначения наказания при совершении нескольких преступлений и по совокупности приговоров. В первом случае, когда подсудимым совершено несколько преступлений, квалифицируемых разными статьями Особенной части УК, закон, предписывая необходимость определения меры основного и дополнительного наказания по каждому преступлению, допускает полное поглощение менее строгого наказания более строгим либо полного или частичного сложения назначенных наказаний. При этом сложенное наказание не должно превышать предела санкции, установленного статьей, предусматривающей более строгое наказание (ст. 40 УК РСФСР). Представьте себе, группа лиц, составив преступное сообщество" многократно совершала кражи личного имущества граждан, государственного и общественного имущества, угоняла автомашины, принадлежащие гражданам и гос.предприятиям (за такими отдельными группами порою числятся сотни эпизодов аналогичных преступлений). Их действия квалифицированы по четырем статьям УК: ч. 2 ст. 89. ч. 2 ст. 144. ч. 3 ст. 144, по которым суд, определил соответствующие сроки лишения свободы. И при этом наказание подсудимым по такому делу не может превышать 8 лет лишения свободы, предусмотренной ч.3 ст. 89 УК РСФСР. Таким образом, получается, что закон сам стимулирует изощренных и опасных преступников к большему числу эпизодов и в разных формах совершать свои злодеяния, зная, что наказание, предусмотренное санкцией одной статьи, могут применять за один обычный эпизод преступления. Очевидно, поэтому неспроста среди искушенных преступников - воров-«законников» ходячим стало выражение: «Все равно получу одно наказание, положенное за один эпизод преступления, а остальные судом спишутся».

Подобная же картина по существу получается и при назначении наказания по нескольким приговорам, поскольку согласно закону (ст.41 УК РСФСР), хотя и предусматривается полное или частичное присоединение назначенного по новому приговору срока наказания к сроку наказания по предыдущему приговору, но конечный срок не может превышать максимально предельного срока для данного вида наказания, установленного в Общей части УК. Представим себе, в какой ситуации может оказаться суд при назначении наказания лицу, отбывающему наказание лишением свободы

сроком 10 лет за умышленное убийство (предельный срок по ст. 103 УК РСФСР), если оно на первом же месяце отбывания наказания причинило тяжкие телесные повреждения другому осужденному (ст. 108, ч. 1 УК РСФСР). Кроме нескольких дней отбытой части наказания ничего такому преступнику не добавишь. Ситуации в судебной практике такого рода и еще более парадоксальные нередко встречаются, когда осужденному «сходит с рук» новое злодеяние или он отделывается «комариным укусом» за тяжкие преступления. Нетрудно понять, что такой порядок назначения наказания по совокупности приговоров не способствует предупреждению преступлений, особенно в местах лишения свободы, где в последние годы к тому же отмечается резкий рост преступности».

В новом УК РФ вопрос о назначении наказания решается на существенно новой основе и справедливых началах. Во-первых, по старому правилу, путем поглощения менее строгого более строгим наказанием либо путем частичного или полного сложения в пределах наибольшей санкции инкриминируемых подсудимому статьей допускается, если преступления, составляющие совокупность, являются только преступлениями небольшой тяжести (ч.2, ст.69УК).

Во-вторых, если хотя бы одно из преступлений, составляющих совокупность, является преступлением средней тяжести, тяжким или особо тяжким, то окончательное наказание назначается путем частичного или полного сложения наказаний за все совершенные преступления (ч.З, ст.69 УК).

В-третьих, суммарный срок наказания, примененного за совокупность преступлений ныне не может ограничиваться размером максимальной санкции и даже максимальным сроком, предусмотренным для лишения свободы (20 лет), а может быть доведен до 25 лет, но не более.

В-четвертых, при совокупности преступлений к основным видам наказаний, определяемых за каждое преступление, могут быть присоединены дополнительные виды наказаний, однако суммарный срок или размер дополнительного наказания не может превышать максимальной величины срока, предусмотренного для данного вида наказания Общей частью УК (ч. 5, ст. 69 УК).

При назначении наказания по совокупности приговоров тоже внесено существенное изменение: во-первых, в этих случаях к наказанию, назначаемому последним приговором, частично или полностью присоединяется неотбытая часть наказания по предыдущему приговору суда (ч. 1, ст.70 УК).

Во-вторых, окончательный срок наказания в виде лишения свободы по совокупности приговоров может быть определен до 30 лет, но не более (ч. 3, ст.70 УК).

В-третьих, если по совокупности приговоров применяется наказание менее строгое, чем лишение свободы, то его срок или размер не может

превышать максимально установленного для данного вида наказания в Общей части УК (ч. 2, ст.70 УК).

Однако, как видно из данных судебной статистики, суды редко прибегают к назначению наказаний по совокупности до указанных максимальных пределов. Так, например, в 1997 году по таким уголовным делам судами были назначены наказания свыше 20 лет лишения свободы до 25 лет лишь к 47 осужденным, а в 1998 году к 149 осужденным1.

Об обстоятельствах, смягчающих либо отягчающих назначение наказания. В новом УК РФ указанные обстоятельства названы так: «обстоятельства, смягчающие наказания» и «обстоятельства отягчающие наказание» (ст. 61 и 63 УК). В старом УК их именовали обстоятельствами, смягчающими и отягчающими ответственность. Пожалуй, такое наименование было более верным, так как речь идет об обстоятельствах, которые учитывает суд, назначающий наказания, для определения степени виновности и ответственности подсудимого и которые могут влиять на мнение суда о мере наказания, его виде, сроке или размере, но не «напрямую» смягчать или отягощать наказание.

Особо обращает на себя внимание тот факт, что закон приоритетное значение придает обстоятельствам, смягчающим уголовную ответственность и наказание, особенно тем, которые стимулируют явку виновных лиц с повинной, способствуют раскрытию преступления и розыску имущества, добытого в результате преступления (п. «и» ст.6! УК), а также действиям виновного лица по устранению последствий своего преступления путем оказания медицинской помощи потерпевшему, добровольного возмещения материального ущерба и морального вреда и иных действий по заглаживанию последствий преступления (п. «к» ст.61 УК). При наличии этих обстоятельств закон предписывает, что срок или размер наказания не может превышать s максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи Особенной части УК (ст. 62 УК).

Применительно к перечню смягчающих обстоятельств необходимо отметить появление такого из них, которого раньше не было. Это -учет в качестве смягчающего наказания противоправного и аморального поведения потерпевшего, являвшегося поводом для преступления (п. «з» ст.61 УК), т.е. виктимодогического момента в процессе совершения преступления). Это - важное положение, ибо совершение многих преступлений провоцируется самими потерпевшими, они происходят в обстановке конфликта двух сторон, одна из которой впоследствии оказывается преступником, а другая - жертвой.

Комментировать обстоятельства, отягчающие наказания, которые предусмотрены в ст.63 УК РФ, на наш взгляд, нет особой необходимости. Следует указать только на то, что если приведенное в перечне обстоятельство предусмотрено в соответствующей статье Особенной части УК в качестве признака преступления, то оно само по себе не может

повторно учитываться в качестве отягчающего (ч. 2, ст. 63 УК). Это предостережение закона важно иметь в виду, поскольку во многих конструкциях составов преступлений они и на самом деле предусмотрены в большей части в качестве квалифицирующих составов обстоятельств.

Как видно из приведенных законоположений, УК РФ 1996 года по-новому определил задачи и порядок назначения наказания, предусмотрев нормы, которые должны обеспечить назначение наказания на справедливых началах, соблюдая принципы дифференцированного и индивидуализированного подходов при соблюдении следующих правил: с одной стороны, смягчение наказания за преступления небольшой и средней тяжести, с другой- ужесточение наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления, а также по совокупности преступлений и приговоров, и при рецидиве преступлений.

Однако в реальной судебной практике встречаются серьезные недостатки и ошибки, связанные с неправильной трактовкой новых законоположений по вопросам назначения наказания, обнаружились и тенденции у многих судов в либеральном подходе к опасным преступникам, что, в частности, выражается в чрезмерном увеличении условным осуждением преступников.

Очевидно, неспроста пленум Верховного суда Российской Федерации принял обстоятельное Постановление от 11 июня 1999 года «О практике назначения судами уголовного наказания», в котором дается подробнейшее судебное толкование всех норм главы 10 УК «Назначение наказания» (ст. 60-74). Постановление ценно именно в плане судебного толкования норм, предусмотренных в указанных статьях УК. Однако, к сожалению, постановление не содержит критического анализа реальной судебной практики, указаний на те типичные ошибки и недостатки, которые допускаются судами. Казалось бы, надо было обратить внимание на увлеченность судов условным осуждением значительной части преступников, на проявление явного либерализма по многим уголовным делам.

При рассмотрении отдельных видов наказания мы попытаемся обратить внимание на их карательно-предупредительный и исправительно-воспитательный потенциал и на их место в судебной практике.

Однако в реальной судебной практике встречаются серьезные недостатки и ошибки, связанные с неправильной трактовкой новых законоположений по вопросам назначения наказания, обнаружились и тенденции у многих судов в либеральном подходе к опасным преступникам, что, в частности, выражается в чрезмерном увеличении условным осуждением преступников.

Очевидно, неспроста пленум Верховного суда Российской Федерации принял обстоятельное Постановление от 11 июня 1999 года «О практике назначения судами уголовного наказания»1, в котором дается подробнейшее судебное толкование всех норм главы 10 УК «Назначение наказания» (ст. 60-74). Постановление ценно именно в плане судебного толкования норм, предусмотренных в указанных статьях УК. Однако, к сожалению,

постановление не содержит критического анализа реальной судебной практики, указаний на те типичные ошибки и недостатки, которые допускаются судами. Казалось бы, надо было обратить внимание на увлеченность судов условным осуждением значительной части преступников, на проявление явного либерализма по многим уголовным делам.

При рассмотрении отдельных видов наказания мы попытаемся обратить внимание на их карательно-предупредительный и исправительно-воспитательный потенциал и на их место в судебной практике.

Тема 8. ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Проблема эффективности права в целом его отраслей и институтов, норм и предписаний носит социологический характер и имеет важное значение. А применительно к уголовному праву, его институтам, особенно к наказанию, эффективность имеет явно обозначенный криминологический аспект. В этом смысле, нам представляется, что предметы социологии уголовного права и анализ уголовно-правовых институтов в криминологическом аспекте в основной своей сути совпадают.

Однако криминологическое осмысление уголовно-правовых категорий, норм и институтов в развитии советской криминологии оказалось далеко не полным и односторонним. Если более или менее исследовалась категория преступления, то почти нет работ фундаментального характера по научному криминологическому анализу целостной категории наказания, его эффективности и социальных последствий. Отдельные попытки такого рода предпринимались еще в 60-70 годы и в последующем, но в них нет концептуальной целостности, а есть полезные, но фрагментального характера положения .

Почти все авторы при определении эффективности уголовного права и его институтов исходят из оценки влияния применяемых и исполняемых наказаний на уровень преступности и в особенности на" предупреждение рецидива преступлений со стороны осужденных после отбытия ими наказания либо в процессе отбывания его. Однако все еще предстоит достичь методологически обоснованного раскрытия самого понятия и критериев эффективности институтов и норм уголовного права и, в частности, института наказания как основной влиятельной силы уголовно-правовой охраны общественных отношений, как противовеса преступлению. Соответственно с этим, очевидно, должна совершенствоваться методика криминологического исследования проблемы.

Категория эффективности больше и полнее рассматривается в материально-производственной сфере, в оценке трудовой деятельности, экономических исследованиях и означает достижение оптимально желаемых результатов в возможно краткие сроки с наименьшими издержками и без

отрицательных социальных последствий. Думается, что это понятие имеет универсальный характер и применимо к любой сфере государственной и общественной деятельности, а не только производственно-трудовой. Всякая деятельность - трудовая, соответственно правоохранительная деятельность может быть измеряема едиными критериями «производительности» и эффективности, по количеству и качеству «трудовых» затрат и достигнутым результатам.

К сожалению, недостатки и промахи правоохранительной деятельности во многом обусловливаются неотработанностыо критериев, показателей ее оценки и эффективности. Здесь мы видим отдельные попытки к их выработке, фрагменты и полезные рекомендации, но не научно обоснованную систему и методику оценок. Отсюда и произвольность показателей и оценок, не способствующих достижению объективности и справедливости, следовательно, не стимулирующих должностных лиц к добропорядочному и результативному исполнению своих обязанностей.

Проблема эффективности уголовного наказания имеет множество сторон и аспектов, не позволяющих решать ее просто и однозначно. Во-первых, возникает вопрос об эффективности самого уголовного закона и установленных в нем санкций, угрозы наказанием в предупреждении преступлений, в побуждении правосубъектных лиц к законопослушанию; во-вторых, надо ответить на вопрос, насколько эффективно примененное наказание с точки зрения достижения целей наказания, определенных в самом законе: в исправлении и перевоспитании осужденного, в предупреждении совершения им новых преступлений и на этом примере совершения преступлений иными лицами; в-третьих, можно говорить об эффективности самого процесса уголовного преследования и расследования, уголовного судопроизводства по делу и назначения наказания, процесса реального исполнения наказания и, наконец, постпенитенциарного периода до истечения срока погашения судимости.

По всем этим вопросам нужно определиться с исходными методологическими позициями, разработать соответствующие показатели (критерии) и методику исследования и оценок.

Думается, что предложенная нами в предыдущих темах методологическая схема к раскрытию понятия и сущности уголовной ответственности с выделением её объективной и субъективной сторон и позитивного перспективного и негативно-ретроспективного аспектов может быть использована как один из подходов к раскрытию эффективности уголовного наказания.

Позитивно-перспективная ответственность, реализуемая в регулятивно-охранительных уголовно-правовых отношениях, предполагает желаемое позитивное влияние установлений уголовного закона, которые свое концентрированное выражение находят а угрозе наказанием, содержащейся в общем виде в нормах Общей части, а конкретизированно - в санкциях соответствующих статей Особенной части уголовного закона. Насколько

эффективно это влияние с точки зрения общего предупреждения преступлений, трудно установить, и четко отработанных методик его изучения не разработано. Г.А.Злобин, в свое время затронувший эту проблему, в качестве критериев эффективности общепредупредительного воздействия наказания предложил: «а) предшествующий опыт установления и применения аналогичных мер наказания за сходные преступления, б) воздействие нового уголовного закона на движение преступности, изучаемое в течение достаточно длительного времени (несколько лет), в) оценку установленного наказания общественным мнением».

Нечто подобное мы встречаем и у И.Анденеса, который возможность изучения эффективности общепредупредительного воздействия видел в методе сравнения данных о преступности по географическим зонам, в которых разные наказания за одни и те же преступления во времени, когда подвергаются пересмотру соответствующие нормы закона, и путем проведения эксперимента с введением нового наказания2. Кстати, подобный «эксперимент» был введен, когда вначале по У К Грузии была повышена санкция за кражи с проникновением в жилище (1980 г.), а затем это было повторено и в У К других союзных республик (по РСФСР в 1982 г.). Однако при этом не проглядывается сам механизм восприятия правосубъектными лицами предписаний уголовного закона и угрозы наказанием, и каким образом происходит формирование у них позитивной ответственности и какова роль этого восприятия не просто в достижении законопослушания, а в выработке социально приемлемого образа поведения. «Любые нормативные системы и уложения останутся формальными сводами, если не будут использованы психологические закономерности организации и регуляции поведения и отношений людей». К сожалению, такой подход еще не выработан, применительно к феномену наказания, к изучению влияния уголовного закона, его норм и санкций.

Иной подход, очевидно, нужен, когда речь идет о выяснении эффективности предупредительного воздействия применяемого и исполняемого наказания, когда на арену выступают органы уголовной юстиции. Здесь наказание выступает как форма реализации негативно-ретроспективной ответственности в реальном виде, ощутимо воспринимаемо как самими осужденными, так и иными лицами. Нетрудно определиться с критериями эффективности, когда речь идет о воздействии такого наказания на осужденных. Рецидив преступлений, хотя это объяснимо не только дефектом такого воздействия, однако он играет заметную роль в причинно-следственной цепочке рецидива. Трудности здесь заключаются в определении «доли участия» дефектов исполнения наказания и исправительного воздействия на осужденных в рецидиве преступления.

В юридической литературе, посвященной проблемам исправительно-трудового права, применительно к наказаниям, связанным с исправительно-трудовым воздействием на осужденных, и в особенности к лишению свободы, вопросы о критерии эффективности частно-превентивного

воздействия наказания и исправления и перевоспитания осужденных обсуждались достаточно часто и более или менее плодотворно. Главное внимание в этих работах обращается на критерии эффективности мер исправительно-трудового воздействия на осужденных, основных средств исправления и перевоспитания осужденных: режима отбывания наказания, общественно-полезного труда, политико-воспитательной работы, общеобразовательного и профессионально-технического обучения.

Исследовался и вопрос о восприятии наказания осужденными и об их отношении к условиям отбывания наказания, к мерам исправительно-трудового воздействия, соответственно, о влиянии этого фактора на процесс исправления и перевоспитания. В аспекте же уголовно-исполнительного права и криминологии важен и вопрос о влиянии на предупреждение рецидива преступлений постпенитенциарной работы с освобожденными. В этом плане рядом авторов проводились соответствующие исследования. Да вообще-то говоря, многие криминологические исследования проблем рецидивной преступности проводились на стыке с наукой исправительно-трудового права, т.е. больше внимания уделялось определению критериев и анализу эффективности наказания в стадии его реального исполнения либо условного «отбывания».

Что же касается проблем эффективности общепревентивного воздействия назначаемого и исполняемого наказания, то их исследование представляет определенные трудности. Эта связано с неотработанностью методики и иными сложностями в организации исследования, связанного с выяснением общественного мнения, массовыми опросами населения об осведомленности их о карательной сущности и условиях отбывания наказаний, о характере восприятия ими уголовного и уголовно-исполнительного процессов и отражении всего этого в их правосознании и законопослушании, на типичном поведении и поступках вообще, в криминогенных ситуациях, в особенности.

Если считать по состоянию, структуре и динамике преступности, по ее масштабам в настоящее время и тенденции развития на ближайшее будущее, то, очевидно, никогда еще не были так низок уровень эффективности практики применения наказания и так узко влияние этого процесса на преступность вообще, и на рецидивную, в частности. Думается, что есть незыблемые принципы и предпосылки эффективности уголовной ответственности и наказания, которыми сегодня пренебрегают в осуществлении уголовной политики и на уровне законотворчества, если иметь в ввиду принятие нового УК, и в отправлении судопроизводства, и в уголовно-исполнительной практике.

При этом, разумеется, эти принципы охватывают и сферу законодательства, и в этом плане общепредупредительное влияние уголовного закона, его санкций и общепревентивное воздействие назначаемого и исполняемого наказания сливаются воедино, поскольку они взаимозависимы, одно обусловливает другое.

На наш взгляд, такими принципами и предпосылками являются следующие:

1. Соответствие уголовно-правовых санкций характеру и степени общественной опасности преступления, К сожалению; это правило не соблюдается по многим составах преступлений в действующем уголовном законе, для которого в нередких случаях характерна произвольность выбора санкций по виду и размерам. С другой стороны, значительная неопределенность санкций размывает законодательную соразмерность наказания преступлению'. Еще И. рентам подчеркивал, что «наказание должно быть приноровлено к каждому преступлению таким образом, чтобы для каждой части вреда здесь мог быть мотив, который бы удерживал преступника от произведения этого вреда»2. Идея очень интересная, которая не имела хождения в советской юридической литературе и не была воплощена в законе. Однако она не использована в новом УК РФ, санкции Особенной части которого менее определены и размыты, чем в старом Кодексе.

2. Научная обоснованность системы наказаний, с тем чтобы она отвечала первому положению, т.е. обеспечению соответствия наказания содеянному. Наличию многообразия преступлений, классифицируемых по разным критериям, должно соответствовать не унифицированное наказание, а его многообразие в логически построенной системе. Существенным недостатком прежнего Уголовного кодекса было то, что в нем лишению свободы отдавалось предпочтение, оно становилось универсальным и почти всеохватывающим наказанием. Негативные последствия такой «уголовной политики» мы начинаем пожинать сегодня, когда это. казалось бы, «всесильное» наказание девальвировалось и ресурсы карательной деятельности государства почти на исходе. А произносимые призывы к гуманизации уголовной политики в сложившейся криминогенной ситуации выглядят смешными и оборачиваются в популизм некоторых руководителей в верхних эшелонах власти. Законодатель же поставлен в труднейшие условия, ибо людское мнение вопиет в призывах к ужесточению карательной деятельности государства.

Вместе с тем предусмотренные в новом УК как альтернатива новому наказанию такие его виды, как арест, ограничение свободы, обязательные работы, по существу заимствованные из уголовного законодательства зарубежных государств, оказались «недееспособными», т.е. не введены в действие из-за отсутствия материально-ресурсных средств для организации их исполнения. Их введение в действие отнесено к 2001 году, к наступлению которого вряд ли будут созданы необходимые предпосылки.

Проблем системы и отдельных видов наказания мы еще коснемся впереди, сейчас же обратимся к другим принципам.

3. Стабильность уголовного закона и последовательность его применения. Характерная для всех сторон жизнедеятельности страны нестабильность, псевдоноваторство, шараханья из одной крайности в

другую, которые ярко проявились в период так называемой перестройки и не менее ярко проявляются на переходном этапе к рыночным экономическим отношениям, особенно остро и болезненно сказываются на формировании и отправлении уголовной политики. Раньше это приводило к нестабильности уголовного закона, который часто перекраивался дополнениями и пояснениями, существенно нарушало последовательность его применения в борьбе с преступностью. Еще с 1988 года в разных кругах дебатировался вопрос о необходимости принятия нового уголовного законодательства еще до принятия новой Конституции и обновления отраслевых законодательств, регулирующих новые общественные отношения, соответственно создающих новый правопорядок. Это было опрометчивым шагом, положившим начало дискредитации действовавшего уголовного законодательства и парализовавшим правоохранительные органы, которые к тому же шельмовали на все лады, реорганизовывали и обновляли наспех.

Недосуг было обратить внимание на это, и разобраться в том, почему уголовные законы и сложившийся правопорядок в буржуазных странах, в том числе в ведущих капиталистических государствах, столь консервативны, как по содержанию, так и по форме, почему их не подвергают коренным реформам, хота необходимые коррективы и дополнения в них вносятся. Нашими же авторами все в них смотрелось и виделось в черном свете, в критическом и осуждающем плане. Даже изучение и осмысление отечественного дооктябрьского Российского уголовного законодательства, которое было принято (в 1903 г.) после десятилетних обсуждений, считалось ненужным и чуть ли ни крамольным.

Все отмеченное и послужило снижению престижа советских уголовных законов, авторитета уголовной юстиции, деятельности правоохранительных органов. Наконец, в 1996 году был принят далеко не совершенный Уголовный кодекс, по которому уже появилось множество рекламаций, предложений по изменению и дополнению его норм,

4. Неотвратимость уголовной ответственности и наказания. Этот основополагающий принцип любой уголовно-правовой системы, от которого зависит и авторитет, и незыблемость уголовного закона, и эффективность угрозы наказанием, процесса его применения и исполнения, в плане как общего предупреждения, так и частного предупреждения преступлений. И самым досадным и печапьным фактом нашего времени, весьма отрицательным образом сказывающимся на уровне и динамике преступности, является неспособность правоохранительных органов обеспечить претворение в жизнь данного принципа

Рост латентной части преступности, с одной стороны, необеспечение раскрываемости выявленных преступлений - с другой стороны, создали весьма неблагоприятную ситуацию в борьбе с преступностью, которая сама по себе выступает в качестве фактора, способствующего росту преступности. Об этом более подробно говорилось в предыдущих темах.

5. Адекватное восприятие примененного наказания самими осужденными как справедливого воздаяния за совершенные ими преступления. К сожалению, как показывают проведенные среди отбывающих наказание в исправительных учреждениях опросы, большинство осужденных не проявляют такого отношения к своему наказанию, примененное к ним наказание считают несправедливым либо по виду, либо по сроку. Зная, что многие преступники остаются вовсе не изобличенными и безнаказанными, считают себя «козлами отпущения», неудачниками. Это в большей степени опять-таки связано с проблемой латентности, а отчасти и ошибками судебной практики в назначении наказания. Об этом речь будет идти и дальше.

6. Реальность и стабильность судебных приговоров, процесса отбывания наказания осужденными. Нарушение этого условия, что происходит в результате применения институтов освобождения от отбывания наказания и актов амнистии, существенно ослабляет карательно-предупредительную силу наказания, соответственно его эффективность. Хотя указанные институты и периодически издаваемые акты амнистии - необходимые компоненты уголовной политики, обусловленные гуманистическими мотивами, но нельзя, оценивая их только с этой точки зрения, расхваливать и применять без учета того, как они влияют на эффективность наказания и предпринимаются ли меры по нейтрализации негативных последствий их применения.

Следовало бы подсчитать и оценить, какое влияние оказывают институты досрочного освобождения от наказания и периодически издаваемые акты амнистии на уровень преступности, на ее предупреждение, насколько они корректируют предупредительный потенциал уголовного наказания, наконец, какова мера их допустимого применения. К сожалению, подобных целевых исследований, подсчетов и оценок нет, кроме умозрительных суждений отдельных авторов и не всегда мотивированных актов законодателя и усмотрений уголовно-исполнительных и судебных органов.

А между тем социологические опросы, проведенные среди осужденных рецидивистов, свидетельствуют о существенном ослаблении влиятельной силы уголовного наказания, сложившейся практикой досрочного освобождения, осужденных от отбывания наказания. Если к этому же прибавить осуществление массовых, нередко проведенных наспех и безразборно, «разгрузочных» амнистий последнего времени, то нетрудно себе представить, что же осталось от принципа реальности и стабильности судебных приговоров, насколько «дискриминированы» судебная практика и уголовное наказание как таковые, как наиболее реально «удерживающий» фактор в борьбе с преступностью. К этому вопросу мы еще вернемся в последующих темах.

7. Благоприятное для функционирования примененного., наказания общественное правосознание и людские отношения. Если эти факторы не адекватны сложившейся судебной практике, а противоречат ей, то эффективность наказания ослабевает как в плане частного предупреждения (осужденные больше самоутверждаются в содеянном под влиянием

солидарности и сочувствия со стороны окружения, близких и знакомых и отрицательно воспринимают наказание), так и в плане общего предупреждения (иные лица не воспринимают должным образом примененное к виновному лицу наказание, не извлекают урок для себя). Это обстоятельство, кроме того, отрицательно влияет на авторитет уголовной юстиции и правосудия, снижает эффективность их деятельности. Здесь существенную отрицательную роль играет проникновение элементов коррупции в следственно-судебную систему.

8. Соблюдение принципа экономии ресурсов наказания. Несоблюдение этого принципа не только снимает эффективность наказания, но и приводит к нежелательным индивидуально-личным и социально-психологическим последствиям,

Механизм проявления этого принципа очень прост, он постигается обыденным житейским правилом: «Чем чаще наказывается одно и то же лицо, тем быстрее оно становится невосприимчивым к наказанию, или наказание будет оказывать на него влияние намного ниже ожидаемого». С другой стороны; «Чем больше лиц из одной среды подвергаются наказанию, тем легче оно переносится, теряет свой частно-превентивный и обще-превентивный потенциал. Происходит притупление «острия», некое размывание репрессивной силы наказания, его «девальвация». Норвежский криминолог Н. Кристи в этом вопросе приводит следующую аналогию с экономикой: «Стоимость денег уменьшается либо увеличивается в результате инфляции либо дефляции. Но то же самое происходит и с карательным воздействием или ценой различных видов наказания»1.

Нарушение принципа экономии наказания (заметим, как самостоятельный момент, и его карательного потенциала) может иметь своим последствием и иные отрицательные явления, например, оказывать нежелательное влияние на социально-психологический климат и нравственно-этическую атмосферу в той или иной людской среде и в обществе в целом. Поэтому нельзя без проявления осторожности обращаться с наказанием, которое один древний мудрец сравнил с мечом без рукоятки с защитным приспособлением: по мере нанесения им постоянных и частых ударов он притупляется и все меньше разит жертву, зато больше ранится тот, кто держит его в руках и наносит удары.

Негативные стороны наказания этим не ограничиваются. Оно имеет отрицательные социальные последствия и по {фугой причине. Хотя уголовное наказание носит персонифицированный, т.е. индивидуально-личностный характер, адресовано оно к лицу, виновному в совершении преступления, однако невольно задевает своим карательно-репрессивным содержанием и других лиц, не причастных к совершенному преступлению, но близких к осужденному по семейно-родственным связям и иным отношениям, доставляет им моральные страдания, а нередко и материальные лишения. Например, семья потеряла кормильца в лице осужденного к лишению свободы (не говоря о возможной смертной казни), либо понесла

материальный урон в результате уплаты крупного штрафа или конфискации имущества в виде наказания либо для возмещения ущерба потерпевшему. Очевидно, поэтому в Общих началах назначения наказания в новом УК РФ (ст. 60, ч. 3) предлагается суду при назначении наказания учитывать, какое влияние может оказать назначаемое наказание на условия жизни семьи осужденного.

Отмеченные потенциальные и реальные отрицательные социальные последствия объективно имманентны уголовному наказанию, вовсе их устранить невозможно. Но при определении и коррекции уголовной политики надо предпринимать меры, чтобы свести их к минимуму. Это достигается, с одной стороны, путем гуманизации уголовного наказания, соединения его с мерами исправительно-трудового воздействия, активизации предупредительно-профилактической деятельности и исполнительно-воспитательного воздействия на правонарушителей; с другой стороны, путем оказания внимания и содействия лицам, невольно и невиновно страдающим от наказания виновных лиц, оказания им материальной и моральной поддержки. Например, должен функционировать институт патроната - долг государства проявлять заботу и оказывать помощь семье (особенно детям) осужденного, лишенного свободы, тем более, если семья осталась без единственного кормильца. Да и сам осужденный побуждается к производительному труду не только и не столько в интересах общества (государства), а с тем чтобы он мог оказывать материальную помощь своим иждивенцам. Это положение приобретаю реальную силу после отмены значительных отчислений в доход государства с заработной платы осужденных в исправительном учреждении согласно новому Уголовно-исполнительному кодексу РФ, вступившему в действие с 1 июля 1997 года.

Что же касается морально-психологических издержек, которые неизбежно несут близкие и родные осужденного, то их не следует рассматривать односторонне, только как отрицательные свойства наказания. Они заложены в самом наказании и могут сыграть положительную роль в предупредительно-профилактическом плане. Лицо, посягающее на охраняемые законом интересы, сознательно идущее на преступление, должно понимать не только то, что ему лично придется нести ответственность и наказание, но и то, что «навлекает беду» на своих близких, что ему надо отвечать и перед ними. А последние, в свою очередь, должны предостеречь его от опрометчивого шага и подобного исхода. Таким образом, мы видим, что наказание, как и его предтеча -преступление, есть социальное зло, а по определению Н.Кристи, оно есть причинение боли индивиду, имеющей социальный резонанс, т.е. причиняющее боль и обществу, но и зло неизбежное и нужное для борьбы с преступностью'. Однако пользоваться им нужно осмотрительно и экономно, чтобы рана от него не получалась глубокой и неизлечимой. Предназначение и социальные последствия уголовного наказания нельзя оценивать вне связи с системой социально-

профилактических и специально-криминологических мер и задач борьбы с преступностью.

Контрольные вопросы.

1. Понятие наказания.

2. Функции уголовного наказания.

3. Роль уголовного наказания в системе мер борьбы с преступностью.

4. Предупреждение совершения преступлений иными лицами , как цель наказания

5. Система уголовных наказаний

6. Виды уголовных наказаний.

7. Проблемы эффективности назначения уголовных наказаний

Список рекомендуемой литературы

1. Иванов В. Д. Уголовное право/В.Д. Иванов.- М.: Изд-во Приор, 2011.- 420 с.
2. Иванов Н.Г. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник для вузов. / Н.Г. Иванов. – М.: Экзамен, 2009. – 436 с.
3. Игнатов А.Н. Уголовное право России/А.Н Игнатов. — СПб: Питер, 2009. – 612 с.
4. Курс Российского уголовного права. Общая часть. /Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. — М.: Спарк, 2011. – 456 с.
5. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть/ А.В. Наумов. М.: Проспект, 2010. – 514 с.
6. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. Б.В. Здравомыслова. — М.: Юристъ, 2011. – 678 с.
7. Уголовное право РФ. Общая часть/ Под общ. ред. М.П. Журавлева, С.И. Никулина.- М.: Норма, 2011. – 570 с.
8. Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2012. — 720 с.
9. Уголовное право. Общая часть: Учебник под ред. А.И. Рарога. – М.: Проспект, 2011. – 516 с.

Интернет-ресурсы по дисциплине

http://www.consultant.ru – Правовая система «Консультант Плюс»;
http://www.constitution.garant.ru – Правовая система «Гарант»;
http://rsl.ru - Российская государственная библиотека;
http://elibrary.ru - Научная электронная библиотека;
http://window.edu.ru – Электронная библиотека Федерального портала «Российское образование» «Единое окно»;
http://www.big-library.info – Большая электронная библиотека
http://constitutions.ru - Российский правовой портал
http://www.juristlib.ru– Электронная юридическая библиотека «ЮристЛиб»
http://www.pravo.ru - ПравоRu
http://www.jur-portal.ru - Юридический портал jur-portal.ru //
http://ur-fak.ru - Юридический портал //
www.un.org - Организация Объединенных Наций
http://www.gov.ru– Официальный сервер органов государственной власти Российской Федерации:

Обеспеченность основной учебной литературой в библиотеке ДГУНХ

№	автор	Название основной и	Выходные данные по	Количество

п/п		дополнительной учебной литературы, необходимой для освоения дисциплины	стандарту	экземпляров в библиотеке ДГУНХ
Основная учебная литература				
1	В.М. Лебедев	Комментарий к уголовному кодексу РФ	М.:Юрайт,2012г.-1359с.	72
2	Серегина Е.В.	Уголовное право.Т.2.Особенная часть	Москва,Юрайт, 2012г.-912с.	76
3	Сверчков В.В.	Уголовное право. Общая и особенная части. Учебное пособие для бакалавров	Москва,Юрайт, 2012г.-589с.	76
4	Багмета А.М, Аминов Д.И. http://www.knigafund.ru/books/174361	Уголовное право. Общая часть: учебно-методическое пособие [Электронный ресурс]	М:ЮНИТИ-ДАНА 2015 г. 271с.	300 в соответствии с гражданско-правовым договором №01 от 23 сентября 2014г.
5	Ендольцева А.В. http://www.knigafund.ru/books/169736	Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути их решения	ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, Москва, 2012г.-231с.	300 в соответствии с гражданско-правовым договором №01 от 23 сентября 2014г.
II. Дополнительная литература				
А) Дополнительная учебная литература				
1	Клепицкий И.А.	Комментарий к Уголовному кодексу РФ	М.:риор: Инфра-М,2009г.-511с.	5
2	Брайгин А.И	Российское уголовное право.	Москва, МЭСИ, 2004г.-287с.	1
3	Журавлева М.П.	Уголовное право. Общая	Москва, Норма,	1

		и особенная части.	2008г.-426с.	